

В л а д и м и р В е й с
ПЬЯНЫЙ АНГЕЛ

Издательство "Написано пером"

Владимир Вейс

Пьяный ангел (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11306348
Пьяный ангел: Написано пером; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-00071-299-3

Аннотация

Автору, члену Российского Союза писателей, около 70 лет. Так уж сложилась жизнь, что его писательская жизнь расцвела за последние 20 лет, когда он мигрировал из жаркой Туркмении в Россию, работая собственным корреспондентом отраслевой газеты «Гудок». Он и сейчас верен этой газете и возглавляет филиал Издательского дома «Гудок». Но это не мешает ему, а во многом способствует издавать одну книгу за другой, участвовать в литературных общероссийских конкурсах. За рассказ «Антихоспис» он удостоен серебряного пера конкурса «Писатель года-2011».

Роман «Тигион» как и другие произведения в этой книге, фантастический по жанру. Он даже привлёк внимание одного из продюсеров Голливуда. По нему автор написал сценарий, в котором коварный американец просил автора по-больше рассказать об иранской ядерной программе. Владимир Вейс с улыбкой сумел нарисовать картину подземного завода по обогащению урана: воображаемые «секреты» центрально-азиатской страны могут щекотать нервы лишь читателей, но никак серьёзных политиков.

Последним в этой книге Вы прочитаете рассказ «Пьяный Ангел». Он стоит нескольких романов, потому что в сжатой до гротеска форме показаны «великие» события распада СССР.

Эта книга рассчитана на любителей фантастики, хотя любовь и вполне реальные приключения героев, несущие элементы детектива, делает сборник привлекательным для самого широкого круга читателей.

Содержание

Тигион или Территория мысли	5
Книга первая. Звия	6
Предчувствие	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Вейс

Пьяный ангел

© В. Вейс, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

Тигион или Территория мысли

Роман в трёх частях

Книга первая. Звия

Предчувствие

Вы думаете, что невозможно перешагнуть через миллионы лет?

Ещё как возможно! Надо подумать о том, как оказаться в очень далёком будущем. Но сначала следует понять, что в другом времени многое не так, как в твоей жизни: и философия общества, и его развитие – совершенно иные... И тогда на помощь необходимо призвать анализ тенденций своего времени. Этот экскурс в диалектику даёт направление фантазии, как проекту будущего.

Необходимо отталкиваться от того, что мысль строит мир. Сначала это модель, цивилизация может воспользоваться и ею, а иногда и в сочетании с другой, не менее сумасшедшей, на первый взгляд мыслью. Ведь то, что происходит сегодня – разве не безумие, с точки зрения людей, живших всего лишь полвека назад?

Итак, я, как автор, начинаю верить в то, что пишу, когда «нащупываю почву» под ногами. Ведь так поступает и учёный, когда создаёт теорию, основанную на первых лабораторных результатах, когда вещество показывает неожиданные и противоречащие фундаментальным теоретическим основам свойства. И тогда человек начинает строить такую систему логических умозаключений, которая оправдывает новое поведение материи.

Глава первая

Через 1 час после вспышки

Конец июля 1982 года выдался архижарким. В Вашингтоне ближе к полудню уже плавился асфальт. В пятницу генерал Хейг с семи утра был в своём кабинете.

– Мэри, – вызвал он по селекторной связи секретаршу.

– Да, генерал.

Мэри никогда не называла шефа госсекретарём. Она стояла перед ним навытяжку, не старая и не молодая, не красивая и не безобразная.

– В корпорации «Дженерал Электрик» тебя ждут. Вот телефон. – Хейг перегнулся через стол, бросив подготовленную им карточку. – Свяжешься, когда тебе будет удобно.

– Спасибо, – несколько сухохвато для благодарности сказала женщина.

Спросила:

– Подать сводку?

– Неси. О моей отставке президент доложит на утренней встрече. А пока не будем нарушать порядка.

Он хитровато взглянул на женщину. Она промолчала. Его воспитание!

Все помощники госсекретаря Александра Хейга тоже были на местах. За информацией Central Intelligence Agency следил референт доктор Браун. Но сводку он передавал опять же через секретаря. Так уж было заведено. Но на этот раз Хейг, просматривая последние события, вызвал Брауна.

– Джордж, присаживайтесь. Вы должны поладить с Шульцем.

Доктор не дошёл до кресла и остановился. На лице его было написано крайнее недоумение.

– Почему?

– Ну, не надо изображать невинность, вы же аналитик.

Браун изогнул бровь:

– Ну да, имена у нас сходятся.

– Не поладите, пристрою. А теперь ответьте, что это?

Он протянул лист сводки с отмеченной красным цветом фломастера строкой. Сведения об СССР он помечал именно этим цветом.

Доктор ответил:

– Зафиксирован мощный выброс фотонной энергии на территории СССР. Это произошло на территории Туркменистана, почти в центре пустыни.

– Что значит – фотонной? Объясните – это связано с ядерной энергией?

– Нет. Это нейтральная элементарная частица с нулевой массой и спином 1.

– Отлично! Вспомним Гарвард. Итак, это природное явление или взрыв?

– Это шло от поверхности земли. Но не пуск ракеты. Время зафиксировано: 13.44 по Москве.

– Вы уже живёте по Москве?

Государственный секретарь подошёл к окну. Солнечные лучи упали на его лицо. Он резко развернулся и посмотрел на помощника:

– В недавней речи на пленуме Брежнев хвалился новым сверхмощным оружием, способном вызвать природные катаклизмы.

– Это возможно, если взорвать водородную бомбу на определённой глубине океана, что позволит спровоцировать цунами и вызвать гигантскую волну, которая сможет «вылизать» любое наше побережье километров на сто.

– А что, если предположить, что они сумели обуздать фотонную энергию? В чем это может выразиться?

– Пока это из области фантастики, – пожал плечами доктор. – Русские в Дубне пытаются раскрутить частицы, но фотоны неуправляемы.

– А если они их приручили? Фантазируйте, доктор, ну! – потребовал генерал.

– Если допустить прорыв русских в экспериментах, то они могут через два-три десятилетия вывести космические корабли на световую скорость, или... Нет...

– Продолжайте, не стесняйтесь.

– В сочетании с лазерными установками они могут сжечь из космоса любой объект на нашей территории. Вывести из строя мощным направленным лучом любые атомные реакторы.

– Вы это серьёзно?

– Вы потребовали фантазий, я допустил это.

– И что же у них там, в пустыне?

– В том квадрате лишь буровая. Шахты ракет у них гораздо севернее, вот здесь.

Браун подошёл к карте СССР на стене и ткнул указкой, которую он снял с крючка за драпировкой.

– Тогда я не завидую Шульцу, он ещё не знает коварства Советов. У них всегда что-нибудь подадут на десерт.

Генерал сделал паузу. Опять мысли об отставке. Его Рональд дрогнул. Да, это не съёмная площадка, господин президент.

– Наши друзья в сенате, – по тону Хейга было ясно, что это за друзья, – хотели избавиться от «ястреба»! Но ведь кто-то должен клевать головы русским. Да и не только им... Проект о вводе экономических санкции против Польши предложил как раз я, «ястреб». И вот, поверьте, доктор, осенью на выборах в конгресс демократы, используя мой уход, продвинутся. За нами останется сенат, но дальше – не знаю...

Александр Хейг как в воду смотрел. За две недели до Рождества Палата представителей Конгресса США откажется удовлетворить запрос президента Рейгана о выделении 988 миллионов долларов на строительство и испытания первых пяти из 100 ракет класса

«МХ». Но это уже другая история. А в то утро генерал Хейг сложил свои полномочия государственного секретаря Соединённых Штатов стал Джордж Шульц. Он отправил доктора Брауна дослуживать в Центральное разведывательное управление.

36 часов до вспышки. Москва

Сергей Лемешев опаздывал. Он быстро проскочил вахтёра, лифт услужливо открыл дверь, и оказалось, что придётся подниматься на шестой этаж одному. Неужели все уже работают? Когда он шагнул в полутёмный коридор, то понял, что ошибся этажом, в запарке нажал на пятый. Это был закуток главного редактора, его заместителей и ответственного секретаря. Ковры, кондиционеры, тишина. Дом отдыха!

– Молодой человек! Лемешев, зайдите ко мне!

Ну надо же, главный редактор помнит его ещё молодым человеком!

Андрей Николаевич Артухов, как и все люди невысокого роста, славился коварным гостеприимством. Он, как рыбак, вылавливал опоздавших и тащил на леске вежливых слов в свой кабинет, на ходу приказывая секретарше подать им чая, а лучше – кофе, на две персоны. Первая персона был он сам – бог и царь всех этажей, где располагалась редакция «Комсомольской правды». Вторая – подвернувшийся под руку сотрудник. Чем грозила беседа в кабинете главного? Да ничем особенным: в конце мирного разговора о «Спартаке» и «Динамо», видах на урожай зерновых, происках американских спецслужб в странах социалистического лагеря, Артухов звонил редактору отдела, в котором работал провинившийся, и приказывал оформить командировку такому-то туда-то! Обычно место командировки выбиралось такое, чтобы болельщик «Спартака» почувствовал, что о «Торпедо», любимой команде шефа, нельзя отзывать пренебрежительно! И в командировочном удостоверении появлялись Колыма, Аральское море, Монголия...

Так что дисциплина в редакции два года, пока Андрея Николаевича не перевели в ЦК ВЛКСМ, была железной.

– Давно не были в командировочке, Сергей Иванович?

– ласково заглянул в глаза Лемешеву главный.

– Да вот отписываюсь после Молдавии...

– Михаил Абрамович, – энергично звонил главный в отдел Сергея по телефону, – Лемешева – в Ашхабад. Нет, не через неделю, и не завтра, а сегодня! Во вторник должен быть материал.

Всё коротко и ясно!

– Андрей Николаевич! – попытался было увильнуть от поездки Сергей. – Там же на солнце в июле 70, по Цельсию, градусов! В пустыне, говорят, яйца мгновенно запекаются.

– Где-где запекаются? – но рукой Артухов показывал на один из телефонов, который залился трелью. Мол, всё, аудиенция окончена, дела.

– В песке запекаются.

Уточнение было уже сделано рядом с массивной дверью, обитой кожей.

– Надо же, – послышалось сочувствие главного, – береги себя, Лемешев.

Это уже по ту сторону двери, как по ту сторону жизни.

Про яйца Сергей сказал от отчаяния. Волновало другое: на пятницу у него была назначена встреча со Светочкой Сергеевой, которая пригласила его на дачу родителей, с ночёвкой. Молодые люди познакомились в метро, у касс. В вагоне выяснилось, что имя и фамилия у них совпадают перекрёстным образом. Чем не повод для более близкого знакомства? Они уже успели встретиться несколько раз. Наконец Светочка предложила дачу. «Будем одни!» – сказала она. Сергей настроился на очень приятное во всех отношениях randevu. И вот облом из-за какого-то опоздания на работу! Артуховская казарма!

– Попал, дорогой? – Михаил Абрамович Коган вырастил огромные усы a-la Щорс, в которые коварно улыбался.

– Не удивительно, что Туркмения! Вчера Артухову подложили на стол республиканскую молодёжную газету, в которой промелькнула короткая заметка о колодце глубиной 220 метров! Самом глубоком в Каракумах! Вероятно, и во всём мире, если не считать природный колодец в Италии, близ Рима. Тебе обязательно следует побывать на его дне! Вернёшься с полосой, – шеф сделал паузу, чтобы вложить в последующие слова весь пафос того замечательного времени, когда знаменитым можно стать, подвергнув себя смертельному риску ради общего дела, – встретим, как героя космоса!

Сергей просунул руку за огромную тумбу своего письменного стола и вытянул недавно купленный индийский «дипломат», в котором находилось всё, что необходимо было для таких экстренных случаев, от зубной щётки, блокнота для записей до фотоаппарата «Зенит». Через минуту он уже забыл о свидании на даче.

24 часа до вспышки. Борт самолёта Москва – Ашхабад

Жара при выходе самолёта при полёте к столице Туркменистана сдавила «героя космоса» словно противник в классической борьбе, намереваясь положить на обе лопатки: между ними текли реки пота. Салон ТУ-104 превратился в парную бани. Взмокла рубашка, хоть снимай и отжимай!

Хорошо, что народ здесь приветливый! Подкатила к трапу «Волга» ЦК комсомола Туркменистана. Инструктор отдела пропаганды и агитации Какагельды Байрамов, важный, сановитый, с животиком – спутником излишеств, вышел, чтобы под белые руки проводить гостя к машине. И гостиницу подыскивали уютную, коттедж в Ботаническом саду.

– Это же настоящий оазис прохлады, дорогой, – по-свойски склонился над ухом Какагельды.

Он лично провёл гостя в домик, открыл холодильник, забитый египетским пивом Stella, копчёной каспийской осетриной, запотевшими бутылками водки. Камера для овощей была полна крупным виноградом сорта «Дамский пальчик», гранатами и инжиром.

В первый же вечер Какагельды и редактор «Комсомольца Туркменистана» Мурад Гафуров в ресторане, примыкающем к Ботаническому саду и скрытым под сенью густых, экзотических для Туркмении дубов, угостили москвича пловом и шашлыком под многочисленные тосты. Наконец Сергей пришёл в тупое созерцание стройных ног разбитной официантки, которая разве что не садилась к нему на колени! И села бы юная проказница, сделай москвич ей намёк. Но единственное, на что был способен столичный журналист, так это вспоминать со смешанными чувствами благодарности и ненависти Артухова...

Утром его поднял звук клаксона «Волги», остановившейся перед гостиницей. По Ашхабаду уже бегали «Жигули» первых моделей, но престижными в мире партийной и, естественно, комсомольской номенклатуры оставались «Волги», машины Горьковского автозавода.

Лемешев, морщась от боли в висках и тяжести в затылке, или наоборот, войдя в ванную, взглянул в зеркало. Но вместо мрачного человека, страдающего синдромом похмелья, увидел молодого мужчину с весёлым оскалом ровного ряда белых зубов. В отражении светлые, почти льняные, волосы истинного русича очень необычно сочетались с чёрными бровями. Голубые глаза, как у Алена Делона. Всё это производило на женщин неизгладимое впечатление.

Он знал об этом, но считал, что не родилась на свете та женщина, которая бы завлекла его в сети Гименея.

– Ты презираешь всех нас, красавчик, – сказала однажды на вечеринке в столовой редакции бойкая машинистка Глория, она же Акулина Мамонова из-под Тулы, мечтавшая

подхватить москвича с университетским дипломом и родителями – партийными боссами. По энергии и любви к экспромтам она походила на героиню Ирины Муравьевой из кинофильма «Москва слезам не верит». Холостяк Сергей Лемешев давно привлекал её внимание, хотя это «давно» составляло всего семь месяцев после появления Глории в редакции.

– Это наглый поклёп, – усмехнулся Сергей, и после вечеринки девушка оказалась в его квартире.

– Потрясно! – так Глория выразила своё восхищение большим количеством африканских масок в комнате Лемешева и плюхнулась на тахту, открыв для широкого обзора привлекательные ноги. Плюшевая кукла, подаренная мамой Сергею в его детсадовские времена, подскочила и неуклюже зарылась головой в угол тахты, прижимая к своим тряпичным ушам полусогнутые лапы. Приговор был окончательный. Как истинный джентльмен, лишь ближе к полуночи Сергей вызвал для Глории такси, которое доставило девушку в редакционное общежитие в Сокольниках.

Это было ещё при жизни мамы Лемешева, которая была очень рада, узнав, что Глория выскочила замуж за старшекурсника факультета геологии МГУ, что принёс в редакцию свой труд для публикации. Это было что-то о психологии молодёжного коллектива геологической партии в условиях суровой тайги...

Сергей расслабленно сидел на переднем сиденье «Волги», которая несла его на аэродром. По очереди инструктор Какагельды Байрамов и Дурды Сахатов – художавый главный инженер треста «Туркменспецводопровод» – развлекали его анекдотами. Затем разговор принял темп неспешных вопросов и таких же обстоятельных ответов.

В этой республике Сергей был впервые. Здесь успешно работал их собственный корреспондент Василий Кирсанов. Но его месяца два назад взяли в «Правду». Вот почему Артухову нужна была «география» и «экзотика».

Что за порода людей, думал Сергей, наблюдая за своими собеседниками. Просто из чиновников, добравшихся до заметных вершин, но ещё не почувствовавших предела мечтаний «аппаратчика-альпиниста»? Или это была смесь истинного гостеприимства с расчётливой восточной угодливостью: что в Москве скажет о них он, человек с трудной для произношения фамилией? Дурды Сахатов так и переспросил при знакомстве: «Лэмэсев»? На это Сергей с улыбкой ответил, используя вчерашнее общение в кругу туркмен: «Ова, ова», «Да, да». Не станешь же поправлять людей, в алфавите которых нет мягкого знака!

Их ждал вертолёт МИ-4 зелёного цвета. Когда все оказались в его по-армейски простом салоне, главный инженер, человек простодушный, достал из своего портфеля (Сергей усмехнулся – прекрасное изделие из кожи крокодила служило котомкой!) бутылку туркменского коньяка, «визитную карточку» в длинных коридорах министерств в Москве.

– По плотку, Сэргэй?

– Нэт, дарагой, – в тон Дурды (почему-то к имени инженера хотелось добавить «Мурды») ответил корреспондент, – мне бы аспиричику.

Инженер с явным непониманием обстановки пожал плечами, пряча бутылку (сам он не очень любил коньяк, русская водка лучше), и достал аспирин, обнаружив этим полную осведомлённость о состоянии корреспондента и готовность всячески угодить.

Организм быстро согласился с приёмом лекарства, и голову отпустило настолько, что Сергей задумался над судьбой мух, жужжащих в салоне. Вроде бы праздное занятие, когда лежишь над морем серо-жёлтого песка, которому ветры придали вид огромной стиральной доски. Блеснула нитка идущего к столице канала. О его строительстве писали только в восторженных тонах. Потянулись барханы и низины между ними, с тёмными вкраплениями пустынной растительности. Приземлится вертолёт, мухи вылетят, лениво иронизировал по поводу своих мыслей Сергей, а что потом? Они же, как домашние животные, пропадут без человека!

Что за чушь лезет в голову? Зря он отказался от коньяка. Не ровен час, по мухам заплачет! А Светочка обиделась, когда он отложил встречу из-за командировки. Студентка планового института немного помолчала и объявила в телефонную трубку, что последует вечному закону арифметики о том, что от перестановки слагаемых сумма не изменяется. «Жаль, но это не смертельно».

В свои 33 года журналист сумел выработать защитную реакцию от всякого рода недоумений с прекрасным полом – равнодушие и к их и своей судьбе. Он закрыл глаза. Шум двигателей уже не раздражал, а стал убаюкивать. Растревоженный темой любви, он подумал об однокласснице Наденьке Свирской. После выпускного вечера они уединились у Верки Самойловой и до самозабвения целовались, настолько распалив себя, что дошли до неизведанного, а затем, до конца не осознавая, что произошло, вернулись к столу и поклялись любить друг друга до гроба.

Получилось – до Наденькиного. Через день её сбила машина, и Сергей, это случилось одиннадцать лет назад, впервые после смерти отца познал мерзкую способность жизни создавать вакуум желаний. Сергею вспомнилась мало кому известная тогда в стране трагедия в Донецке, когда пятиэтажный дом ушёл под землю – в рукотворный вакуум выработанных шахт. Дом стал могилой для многих людей. Лемешев, спецкор «Комсомолки», летал тогда на место трагедии, но репортаж из-за цензурных соображений так и не вышел. Сейчас Сергей подумал, что его любовь к Наденьке была таким же исчезнувшим в пустоте земных пород домом...

Дурды-Мурды показал рукой в иллюминатор: там детской игрушкой замаячила буровая вышка. Базировались колодезкопатели в двухстах метрах от посёлка буровиков. Поэтому вертолёт пошёл на посадку.

4 часа до вспышки. Центральные Каракумы, колодец Азатлык

Ничего похожего на строительство колодца не было. Сергей увидел хибару из самана, которую, вероятно, построил самый ленивый из известной троицы поросёнок Ниф-Ниф. Неподальку застыл в нелепой позе колёсный трактор «Беларусь», был ещё холм какой-то глины, спёкшейся на солнце в тёмную, шоколадного цвета массу. За холмом мелькнуло и пропало серое кольцо колодца.

Бригада строителей собралась в полном составе. Семь человек поочередно протягивали то ли грязные, то ли загоревшие до коричневых оттенков кожи руки для приветствия. Затем все расположились под навесом из брезента с восточной стороны домика, который оказался достаточно крепким (всё-таки его построил трудолюбивый Наф-Наф!). Горячий ветер пустыни нёс удушье начинающейся жары. Было часа два до полудня, небо потеряло синеву, превратившись в блёкло-грязную шатровую накидку.

Пили зелёный чай и вели неспешную беседу. Больше о политике, которую делали в Москве. За тысячи километров от столицы СССР в пустыне, оторванные от жизни, строители, комсомольский функционер и главный инженер треста задавали Сергею вопросы односложные, но с глу боким подтекстом: «А правда ли то, что?» Лемешев не знал, от чего больше устал: то ли от жары, то ли от искреннего интереса людей к жизни политической верхушки. А что в ней интересного? Люди у власти были такими же в своих обыденных поступках, как все смертные, но у них было больше возможностей предавать своим страстишкам статус государственной необходимости.

Наконец, бригадир, невысокий коренастый туркмен с чёрной копной волос, перемешанной с песком, придавшим голове пепельный налёт, оценил скрытое раздражение гостя, вынужденного говорить, а не заниматься делом, кивнув ему и Паше-мотористу, направился к колодцу. Лемешев с радостью схватил свой рюкзачок и вышел за бригадиром.

В пустыне с полудня до шестнадцати часов негласным распорядком дня установлен обед с дремотой. В норах в это время спали тушканчики, степные лисы и волки, вараны «зем-зен». Даже змеи, найдя тень в сплетениях пустынной полыни, экономили силы для ночной охоты на мелких грызунов. Лишь медленно ползущие черепахи в растерянности смотрели на свои укрытия, не понимая, как это они отважились покинуть их?

У Мерета-ага был свой резон быстрее ознакомить москвича с колодцем. Ему надо было к вечеру закончить облицовку самой нижней части южной его стены.

Внешне колодец пустыни не отличался от обычных, какие можно встретить в сельских дворах туркмен, где не было водопровода. Снаружи он представлял собой кольцо, обложенное кирпичом и покрытое слоем штукатурки, в которой было больше цемента, чем песка. Если заглянуть в такой колодец в ауле, то можно увидеть тёмные отблески воды. Сергей ничего, кроме пустоты, в нем не увидел. Его «о-го-го!» безвозвратно ушло в нутро колодца.

Моторист засмеялся:

– Ответа не жди.

Однако Сергею показалось, что эхо всё-таки пришло вздохом человека, ослабевшего в бесполезных потугах выбраться на поверхность, «ой-ой-ой»...

Бригадир лично осмотрел трос, заставив моториста запускать лебёдку на спуск и подъём. Ещё раз изучил состояние «парашюта» – кожаных ремней, переплетённых крест-накрест в виде сиденья. Включил свет в колодец: по электрическому проводу от генератора трактора вниз была спущена 12-ваттная лампочка. Всякое ведь предполагалось! Профессия колодезкопателя опасна. И об этом говорили их названия. На севере Каракумов один такой называли «Адамбосаном» – «Человека задавило», рядом «Адамо; клен» – «Человек умер». В ста сорока километрах к северу от Ашхабада – «Ойкенсиз» («Нечем дышать»), а чуть ближе к Старому Мерву есть колодец «Джангуторан» («Спас себя»). Колодец с таким названием копал сам Мерет-ага. Это его слава!

И, дав инструкцию ни в коем случае не приближаться к краям и не трогать стены, пригласил москвича занять место в «парашюте».

– Несколько снимков и сразу же наверх! – напутствовал бригадир. Его важным кивком головы поддержал главный инженер. Инструктор остался в кибитке. Было слышно, как он кричал, захлёбываясь от смеха: «Вах, шайтан, вах-вах, шайтан!»

Когда Сергей занёс ногу, чтобы просунуть её между ремнями «парашюта», вертолёт, взревев двигателем и подняв песчаную бурю, резко ушёл на юг. Он улетел на базу до завтра. Сергей Лемешев не знал, что это завтра будет совершенно отличным от других дней его жизни.

18 минут до вспышки

Впоследствии Сергей вновь и вновь будет пытаться повторить спуск в колодец, приведший его к находке, которая перевернула его жизнь в самом буквальном смысле...

Итак, всё начиналось с неторопливого спуска вниз. Когда пошли оштукатуренные стены колодца, ещё освещаемые дневным светом, у него вывалилась записная книжка. Она, шурша, прошла по жерлу колодца, а затем где-то далеко шлёпнулась. Звука Сергей не услышал, ревел двигатель трактора, но появилось представление о шлепке. Сергей незло выругался, но тотчас же забыл о блокноте, потому что сравнил колодец с глубоко врытой в землю гигантской пушкой, из которой Жюль Верн запустил снаряд к Луне.

Ствол колодца книзу постепенно расширялся, превращаясь у дна в сферу для заполнения двумя-тремя тоннами холодной пресной воды. Ею можно вдоволь напоить отару овец. Ничего интересного в стенках колодца, обработанных цементом, Лемешев не увидел, хотя предполагал за ними настоящее наслоение геологических эпох.

Вчера в ресторане, между тостами, в их беседу вмешался оказавшийся за соседним столиком директор Института пустынь Академии наук республики Агаджан Бабаев. Он бубнил специфическими терминами о том, что Каракумы – это намётанный древними реками песок, что раньше здесь было сравнительно мелкое море, подступавшее к Памиру. Доказательства – в найденных в песке пустыни морских кораллах и окаменевших страусиных яйцах.

Когда ноги коснулись дна колодца, движение остановилось. Там, наверху, трос был размечен красными полосками, а журналист перед спуском гадал, глядя на банку с краской, зачем здесь малярные работы?

Только тишина и тьма, потревоженные дыханием человека и автомобильной лампочкой, испуганно мерцавшей на глубине 220 метров. Сергей, слегка раскачиваясь в «парашюте», думал о том, что 120 миллионов лет назад здесь было тёплое мелководье моря. А, может быть, остров с тропическими растениями и животными. Различные твари, ползающие, прыгающие и летающие, грызлись между собой. Они подавали пример обезьянам, а те сохранили этот образ жизни для людей...

Сергей усмехнулся. Он увидел записную книжку, валявшуюся птицей, сбитой и распластавшей белые листочки, как небольшие крылья. Презрев предупреждение бригадира Мереда-аги, вылез из «парашюта» и встал на грунт. Дно дрогнуло, словно живое, потому что под ним уже накапливалась вода, просачивающаяся из подземной линзы. Свет лампочки, бросаемой при движении сполохи, освещал не до конца обрешеченную стену. Оставался лишь сегмент в рост ребёнка. Там была земля невероятной древности!

Лемешев, опустившись на колени, дотронулся руками до грунта и ощутил прохладу сыроватого песка, который был крупнее того, что наверху, горячего, пыльного, истерзанного ветром. Сергей прижался ладонями и щекой к влажному песку, как путешественник, вышедший из жаркой пустыни и упавший на берегу моря. Остатки похмельного вхождения в рутинный репортаж вмиг исчезли. Неплохо бы найти в этом песке древнюю ракушку или окаменевшее яйцо какого-нибудь «завра» той эпохи!

Лемешев, как ему казалось, осторожно погрузил пальцы в песок. Тот уже подсох, даже на такой глубине, и легко поддался. Ещё усилие и кончики пальцев действительно упёрлись в нечто твёрдое. У Сергея сразу же от волнения захватило дух: либо это камень, либо яйцо динозавра! Ладони уже ощущали его гладкую поверхность. Наконец обе руки захватили некий круглый предмет. Внезапно зашуршало под ногами. Молодой человек замер, вспомнил об инструктаже бригадира быть осторожным. Но когда он решился рвануть находку, стремительная лавина песка опрокинула его.

Последнее, что даже не услышал, а почувствовал Сергей – это хруст в спине, принёсший сильную, но кратковременную боль, которая была последней в этой его жизни...

Миллионная доля микросекунды до вспышки

На грудь мёртвого человека, согнутого в нелепую позу вывернутой навзничь куклы, выкатился мяч. Он вспыхнул и занял всю сферу колодца. Неуклюжее тело было поднято в центр этой светящейся сферы, которая через мгновение скатилось мячом на дно колодца. Человека в нём не было. Так Сергей Лемешев перестал существовать для Земли.

Глава вторая

После вспышки

Это был удивительный сон! Сначала был яркий свет. Затем каким-то внутренним зрением, не ограниченным рамками времени и пространства, Сергей увидел неведомую прекрасную планету. Он взлетел высоко-высоко и стремительно ринулся вниз на кроны деревьев. Вдалеке виднелся океан, его скалистый берег, мелькала голубая змея реки. И никакого

намёка на присутствие людей. Единственным человеком был он сам, лежащий на низкой тахте с тускло-белой поверхностью в нелепой позе бесчувственного манекена, облепленного песком.

Эта картина не вызывала ни ужаса, ни сочувствия. Было лишь ощущение некоей развязки, что тело, неподвижно лежащее на столе, уже никогда не оживёт. Возможно, появится патологоанатом, который, покуривая дешёвые сигареты, вкатит тележку со скальпелями, пилами и ручной дрелью – нечто похожее на комплект инструментов краснодеревщика. Чуть позже выкурит всю пачку, раскромсав тело, измочалит полотенце о свои руки и лоб, ожидая подхода практикантов местного мединститута, чтобы те зашили всё, что осталось на столе. И молодые ребята начнут тыкать в него, Лемешева, иглами и с опаской поглядывать на лицо покойника: не поморщился ли тот от боли?

Но в «операционную» влетело пульсирующее облако. Оно зависло над неподвижным телом, словно изучая его состояние двумя изумрудами, затем обратилось к сознанию Сергея с вопросом: «Будем жить?»

Тот попытался в ответ кивнуть головой в знак согласия. И этот внутренний жест был понят облаком. На глазах Сергея столешница стала мягкой и обрела форму саркофага, непонятно откуда взявшаяся прозрачная жидкость залила тело, которое оказалось будто под коркой льда. В одном из фильмов про Аляску по Джеку Лондону Сергей видел подобный кадр.

И всё. Сознание Сергея погасло и провалилось в темноту и безвременье.

Десять земных минут после вспышки

В веки бился свет, и Лемешев приоткрыл глаза. Колодца не было, а был лишь потолок больничной палаты – без трещин на стыках плит и осыпающейся извёстки. Совершенно идеальный! Вероятно, Сергей попал в палаты Четвёртого управления для цёковских больных! А как же иначе, смешливо подумал Лемешев, и стал поочерёдно поднимать руки и ноги, проверяя своё состояние.

Похоже, его вытащили из колодца и вертолётном отправили в Ашхабад. И это произошло так давно, что боль осталась в прошлом, а теперь каждая клетка его тела рапортовала о силе и неограниченных возможностях! Так было в шестнадцать лет, когда он, на глазах Наденьки Свирской, взобрался на самую верхнюю площадку вышки для прыжков в бассейн. Тогда ему показалось, что он высоко взлетел вверх, и, вынырнув, он сильными рывками поплыл к девушке, подбежавшей к краю бассейна.

Сергей поднялся, свесив ноги на пол. Никаких видимых следов от травм и операций в прошлом не было. Посмотрел на запястье правой руки и не обнаружил шрама. То был след о схватке у кафе, когда он, защищая Наденьку от подвыпивших ребят, подставил под нож руку. Но ещё более поразительное открытие ввело в шок – не было шва от аппендицита!

Затем пришла очередь для изучения колена левой ноги со сдвинутым мениском. Чашечка сидела крепко и не думала шататься.

«Чьё это тело?» – недоуменно подумал Сергей.

Словно в ответ его грудь вздыбилась от избытка свежайшего воздуха, несмотря на то, что палата была похожа на изолированный куб.

Он спрыгнул на пол и обнаружил под столиком нишу, в которой лежали аккуратной стопкой майка, трусы, бежевые рубашка и брюки, носки. Лёгкие туфли стояли чистые. Ничто не говорило о том, что он был вынесен вместе с каракумским песком. На стопке лежали паспорт, удостоверение корреспондента, бумажник с выданным авансом, разные мелочи. Всё в целости и сохранности! Вот за это огромное спасибо администрации больницы!

Сергей быстро оделся, отметив необыкновенную шелковистость и мягкость тканей. Всё было свежим и благоухало лёгким запахом хвои. Да и его туфли выглядели так, будто только что сошли с фабричного конвейера!

Вот это обслуживание! Всё новое! И одежда, и обувь и... тело! Да, тело – от этого можно было рехнуться! В волнении Сергей зашагал из угла в угол, меряя шагами небольшое пространство неожиданной камеры. Несколько раз он пнул ногой в стену. Нога крепка, а стены крепче! Неужели он попал в психушку? Если так, то многое объясняется. У него больной мозг и он не видит своего старого тела. А не произведён ли над ним эксперимент? Может, это секретный научно-исследовательский институт?

Друг Пашка, старший лейтенант из КГБ, рассказывал как-то ему об исследованиях, проводимых на Западе с ЛСД – мощным наркотиком-галлюциногеном. Друг утверждал, что ЦРУ экспериментировало с особым грибом, мескалином, амфетаминами и марихуаной. А в качестве подопытного материала для исследований широко использовались бомжи и проститутки. ЦРУ заманивало их в конспиративные квартиры, где их поили соответствующим образом приготовленными коктейлями, после чего скрупулёзно фиксировали их реакцию на препараты.

А кто мешает КГБ поэкспериментировать над ним? Возможно сейчас, когда он иллюзорно воспринимает себя, своё тело, идёт скрытое наблюдение и запись его поведения и реакций...

И вдруг он вспомнил, что был в командировке и полез в самый глубокий колодец! Значит, с ним что-то произошло, и он доставлен сюда на излечение. И вот он здоров, а в голове полная неразбериха! Если так, то хрен с вами, наблюдайте! Лемешев, уже одетый, снова демонстративно лёг на стол, закрыл глаза и...

Его камеру наполнил запах полевых цветов, словно приоткрылось окно в его далёкое детство, на их летней даче! И острота ощущения возврата в те счастливые годы была такой сильной, что Сергей услышал гомон птиц, скрытых в кронах деревьев, лай соседской собачонки, урчание подвесного мотора лодки, скользившей по небольшому, но глубокому и чистому озеру, которое было видно из их маленького дома.

Он услышал, как родители прыскают от смеха в своей комнатке под ним, на втором этаже, и снисходительно улыбнулся: такие взрослые, а забавляются, как дети!

Он помнил, что мама с распущенными по плечам волнистыми волосами цвета начищенной меди всегда вызывала в отце восхищение. «Моя прекрасная Медь!» – это слова отца. А сам он всегда был подтянутым неунывающим человеком. Батя – так его звали и дома и на корабле – всегда возился с книгами, удочками, охотничьим ружьём...

Неожиданно Сергей увидел себя с Катенькой Свирской в парке Измайлово. Тогда, на День Победы, был точно такой же майский луговой запах цветов. Они сидели под тенью лиственницы и любовались друг другом, хотя договорились готовиться к экзаменам. Раскрытая на «Евгении Онегине» хрестоматия лежала на их плотно соединённых коленях...

Сердце забилось от счастья человека, возвратившегося в город юности после долгого отсутствия. Он открыл глаза и нахмурился: снова тот белый куб. И ни одной зацепки на то, что над ним наблюдают. Ни отверстия, ни скрытой заслонки, ни зеркала, за которым бы стояли люди в белых халатах...

Вдруг одна из стен санитарного блока стала на глазах истончаться, пока не исчезла совсем. И открылся захватывающий дух простор, залитый солнцем и морем цветов. Это был запах смеси клевера, ромашки, полыни.

Неизвестный мир, имя которому Тигион

Сергей выбежал на поляну, и ноги сразу же оказались по колени в цветах. Он остановился, чтобы понять, где находится.

Поляна была пологим берегом озера, противоположная сторона которого упиралась в плотную стену вековых сосен. Слева от себя он увидел пещеру. По каменному козырьку

грота с лёгким плеском стекала широкая полоса воды. За ней угадывалась каменистая площадка. И, похоже, на ней кто-то был. Или ему показалось?

В бликах водной глади озера отражались солнце и облака на небе, неестественно синем, словно взятым с глянцевого открытки.

Что это за местность? Обернувшись, Сергей увидел, кроме санпропускника, у которого исчезла стена, ещё несколько невысоких строений с ущербностью недостроенных домов. У некоторых не было крыш, не хватало даже двух стен, словно это был недостроенный детьми городок из конструктора. Но ни одной души в этих полудомах и рядом с ними не было. Лишь ветер покачивал верхушки деревьев, рябил поверхность озера, заставлял кружить в неопределённом танце одуванчики.

По времени похоже на позднее утро, когда солнцу до зенита оставалось подниматься час-полтора, и пока не чувствовалось изматывающего обилия ультрафиолетовых лучей.

Всё было таким неназойливо-первозданным, дышащим покоем и красотой, что приходили мысли о рае. О рукотворном рае, потому что лубочные синева неба, искусственная извилистость озера, немыслимое смешение самых разнообразных деревьев и полевых цветов требовали выглядывающего из чащобы ветвистого оленя и пару лебедей на глади озера в искажённой перспективе.

Лемешев побежал к воде, раздеваясь и бросая на ходу вещи. Вода, принявшая его с какой-то почти осязаемой готовностью, была тёплой, но необычайно плотной. Он легко держался на плаву, поняв, что здесь не утонешь. Сквозь идеальную прозрачность воды он видел водоросли, разбросанные островками, стайки не боящихся человека пресноводных и морских рыб, речных раков и крабов. И все занимались своим делом, но не мешали человеку, словно им был дан некий запрет на любые контакты с людьми. Станный мир.

Притягивало дно, и он, сделав кувырок, сильными движениями рук стал опускаться вниз. Но вода с погружением вниз становилась все плотнее и плотнее, словно Сергей давил своим телом на пружину, и она, сжатая до конца, резко выбрасывала его, Лемешев вылетал высоко вверх, как пробка! Это было бы забавно, находишься он в компании друзей и девушек. О, здесь происходило нечто необыкновенное!

«Я должен достать дно», – приказал он себе. И неожиданно вода отступила, ноги Сергея коснулись твёрдого дна. То ли спрессованный песок, то ли... искусственный материал. Но не отсутствие ила поразило Сергея, а догадка, что в этом мире всем управляет мысль человека, его желания! Чтобы подтвердить это безумное открытие, Лемешев приказал: «Буду дышать здесь!»

Вода отступила, потеряв свойства жидкости, и окружила человека обычным воздухом, и он, как мифическое божество, гордо зашагал по дну, направляясь к пещере. Именно к ней вели кем-то проложенные широкие ступени.

Когда его голова задышала над поверхностью озера, то он более ясно увидел широкий водяной занавес, закрывающий вход в пещеру. Лучи солнца искрились в потоке воды, падающей с каменистого козырька грота, и в их преломлённом водой свете мелькнул силуэт женщины.

С радостью человека, ожидающего встречи с близким и любимым родственником, Сергей решительно, почти бегом, преодолел последние ступени, прошёл завесу из очень холодной родниковой воды, и оказался в нескольких метрах от девушки, которая играла с потоком воды – ловила ладонями струи, плескала себе в лицо и, казалось, не видела ничего вокруг, наслаждаясь одиночеством и наготой.

Встреча

На вид она была очень молода, но с телом, бесподобным по пропорциям, лишённым малейших погрешностей, какие природа любит оставлять, как художник свою подпись в

затемнённом уголке картины. Но был изъян, который сразу же насторожил Лемешева: голова незнакомки была лишена волос. Кроме того, судя по мимике лица, безмолвно открывающему рту, обнажавшему идеально белые изящные зубы, девушка была ещё и глухонемой.

Несмотря на эти не очень весёлые наблюдения Сергей заворожённо смотрел на прекрасную грудь, живот, соблазнительный треугольник, длинные стройные ноги девушки, на вид лет пятнадцати. Она взглянула на него, словно давно уже зная своего гостя. И улыбнулась, не говоря ни слова.

И снова пришла мысль о том, что здесь какая-то лечебница, в которой выправляют мозги. А, может быть, ей голову выбрили перед операцией? И это предположение сделало невыносимым незнание подробностей того, что с ним всё-таки произошло. Лемешев спросил:

– Где я и кто ты?

Его слова взорвали тишину, оказавшись слишком громкими. Всё вокруг озера и само оно словно оцепенело от неожиданности – вода прекратила шуметь, птицы и звери в чаще замолкли. Девушка взглянула на Сергея в упор. При виде её огромных зелёных глаз того охватила паника: ему показалось, что он видел эти горящие сапфиры – в каком-то сне или в бреду.

– Ты находишься у меня, точнее, в моём тигионе. Я – Звия.

У неё был чистый и мелодичный голос. Слава богу, она говорит и слышит! Но тут же пришло понимание, что они оба обнажены. Это заставило его скрестить руки на паху и покраснеть. Чёрт, как всё вышло, одежда осталась на берегу.

– Тебе неприятно быть без одежды? – с любопытством взглянула ему в глаза Звия. Она уже поработала с телом гостя, по сути оживив его и придав организму невиданные на Земле его времени свойства. Вот эта манерность и стыдливость от своей обнажённости её немного веселила, но женщина не подавала вида.

– Да как-то...

– Привыкай, мы здесь живём без комплексов. Здесь место, где я отдыхаю и могу позволить делать всё, что хочу. Мой тигион – мой мир на не очень большое время! Больше мы спим, как и во все времена. Как видишь, ничего не изменилось!

После её слов и уверенности, что нет ничего предосудительного в их наготы, а, главное, от убедительности её тона, Сергей забыл об одежде. Он ждал объяснения своему появлению здесь, в этом прекрасном мире. И ещё обрадовался тому, что Звия не глухонемая.

Девушка засмеялась горным ручейком.

– Ты посчитал, – сказала она, – что я ничего не слышу и не могу воспроизводить звуки?

– Любой бы на моём месте так подумал, когда бы увидел пантомиму игры с водой. Теперь объясни – это больница?

– Больница? – удивилась Звия. – Очень странное, необычное название. Нет, здесь не лечебное заведение, ты находишься в моём мире. Здесь только я и ты. И я уже забыла о том, как знакомиться с новыми людьми. Так что, я рада твоему неожиданному появлению у меня.

– И этот тигион, в смысле дача, и он отрезан от цивилизации? – настойчиво гнул свою линию Лемешев.

– Дача? – снова осмысление нового для себя слова. – Нет, это не загородный участок с домом, – Звия говорила, словно сверяясь с невидимым справочником о жизни того времени, в котором жил Сергей. – Это, говоря по слогам – т-и-г-и-о-н, – словно учительница младших классов непонятливому ученику. – Каждому из живущих на Земле после пробуждения даётся право иметь свой тигион. Это мой мир, в котором я нахожусь после Саркофага.

– А что такое Саркофаг?

– Это хранилище наших тел.

Ну, вот он, налицо бред шизофренички с комплексом кладбищенского склепа.

– Каких тел?

– Триллионов людей, которые живут тысячелетиями, благодаря созданию виртуально-материального тигиона.

Опять этот тигион! У неё тигиономания...

– Хорошо, – Лемешев уже махнул рукой, – об этом можно поговорить позже. У тебя есть родные? Родители, братья, сёстры? Ты слишком молода, для владения таким участком, с лесом и озером, или тебе всё это дали родители?

– Много вопросов, и все они, так или иначе, приведут к тигиону. Можно пройти в более удобное для беседы место. Я могу приказать выстроить здесь гостиную, установить тишину, но не хочется всё это – озеро, лес, пляж, поляну цветов – ломать. Полетели!

Вот-вот, Сергею осталось ещё немного полетать!

Звия взяла Сергея за руку, при этом он почувствовал необъяснимо родную волну тепла, и они тотчас же выскользнули из-под козырька пещеры, поднялись в голубое небо и полетели над поляной. Просто так, словно это было продолжение бесконечного сна!

Они зависли (как же без этого!) над одним из домов с недостроенной крышей, спустились внутрь и оказались в просторном помещении. Всё произошло по тем же законам отключки в глубокий сон – быстро и, как бы выразился Сергей, безболезненно. Поэтому ему оставалось только созерцать то, что с ним происходит.

– Мой дом для гостей, располагайся, – сказала Звия и спросила, – ты любишь посидеть дома под шум дождя за окном?

Сергей кивнул головой: ещё бы, это его самое главное желание после полётов!

Звия была рада, что её предположение о внутреннем мире гостя, как о человеке сентиментальном, не лишённом поэтических стремлений, подтвердилось. Конечно, ей проще было читать в его голове незаметно для Сергея о мыслях – страхах и восторгах, желаниях и сопротивлении недостойных поступков, отвлекая реальным общением. Но в своей жизни она усвоила твёрдое правило: хочешь добиться успеха в каком-либо деле, а общение с себе подобными самое сложное из них, будь честна и оправдывай доверие собеседников. Кажется, это правило заметил и оценил Великий Графист. Но об этом позже.

Дом

Гость Звии услышал лёгкий шелест. Он поднял голову. Открытое пространство над ними быстро затягивалось прозрачным куполом. Тотчас же небо заволокло тёмными тучами и по куполу забарабанили капли, разбиваясь о прозрачную преграду. Света в помещении не убавилось, но он при своей силе он стал слегка приглушённым. И исходил он всё от того же купола.

Звия заняла удобное кресло, с готовностью вобравшее её. Она была по-прежнему обнажена и не озаботилась какой-либо накидкой. Лишь когда она подтянула к себе край круглого стола, отчего тот, словно был из пластилина, твердеющего на глазах, образовал удобный сегмент, на её прекрасной твёрдой груди появилось нечто грудничка перед кормлением.

Но не только это удивило Лемешева. Он прошёлся по комнате. У глухой стены на уровне коленей находилось нечто вроде колыбели, на две трети ушедшей в стену. Сергей потянул за выступающий край этого предмета и он поддался, обнаружив себя как выдвижную кровать. Стало ясно, что она может быть таких размеров, какие понадобятся, чтобы уложить или одного человека или гарнизон гостей. Сергей с мыслью о том, что может оказаться на ней вместе со Звией на долгую безумную ночь, покраснел и тотчас же лёгким движением руки вернул соблазнительное ложе на место. Он догадывался, что все его мысли обнажены, как и он сам, и не являются секретом для девушки. От этого краска не сошла с его лица, и он поспешил к окну скрыть своё неловкое обращение с желаниями.

Окно привлекало какой-то неправильной перспективой. И Сергей стал изучать ещё одно техническое изобретение, явно не доступное простым смертным. Всё-таки это лаборатория! Он покрутился у окна. Если смотреть прямо, то открывалась та панорама, которая соответствовала действительному расположению дома, но, стоило посмотреть из окна вбок, как открывался угол дома, а за ним и вся поперечная стена снаружи, и при желании вид задней стены. Это было похлеще аттракциона кривых зеркал в летнем городском парке!

Звия наблюдала за ним с интересом патологоанатома: каждое слово, словно надрез на теле. «Странно, – подумала она, – только что узнала человека и за ним одним начала понимать мир, в котором он только что жил, и, вероятно, вернётся в него. Кто же ей позволит принять ещё одного нахлебника Саркофага? Может как раз его появление и нарушит священный баланс веса спящих людей и самой Земли? Впрочем, что она в этом понимает? Это задача Великого Графиста!»

В то время Сергей снова встал строго по его центру. Перед ним была поляна, а дальше тускло блестело озеро, покрытое пузырьками от лёгкого дождя. Пейзаж был бесподобным, словно принадлежал кисти художника или мечтающему о совершенстве человеку. Звия заметила, но спокойно и не ревниво, что этот любимый пейзаж, почерпнутый ею из книг и тех видеокартин, что ей довелось увидеть в период взросления в Интернате Великого Графиста, нравившийся ей какой-то грустной умиротворённостью, для её гостя был нечто иным: детским любопытством перед ожидаемой сказкой.

Да он игрался, словно в песочнице в их Интернате. Когда Лемешеву захотелось увидеть противоположный берег, то окно любезно предоставило ему необходимый обзор на расстоянии двух-трёх метров от человека. Словно дом перенёсся над озером и завис у берега. Лемешев даже подпрыгнул, чтобы ощутить какое-либо качение. Какая бесподобная готовность читать мысли человека! Лемешев тут же подумал подняться над самыми высокими деревьями на берегу. И тотчас дом взметнулся вверх, заняв заданную высоту. Открылась великолепная перспектива, которую можно было приближать или удалять. Словно это был управляемый мыслью летательный аппарат! Лемешев приблизился к горам, поднялся над ними, а затем, с высоты пяти-шести тысяч метров, перед взором Сергея предстал океан. От его вида у молодого человека свело дыхание.

– Ты можешь подумать об острове и просто ступить на него, выйдя в окно, – прокомментировала его изучения Звия, которая уже стояла рядом, положив свою горячую руку на его плечо. От девушки шли чистое дыхание и аромат, мутящий сознание близостью прекрасного существа. Но она сама вдруг ощутила себя очень важным и добрым существом рядом с несмышлёнышем.

Он повернулся к хозяйке дома:

– Но это же немыслимая фантастика, неужели в Советском Союзе идут такие испытания? И ты хочешь сказать, что управляешь этим проектом? Сколько тебе лет?

Звия с готовностью любящей няни улыбнулась:

– Начну с последнего, с вопроса о возрасте. Мне 1237 лет.

Сергей небрежно от неосмысленности факта, не соответствующего реалиям, кивнул головой, мол, нормальный библейский возраст.

– Тигион – это мой мир. За ним планета, покрытая Саркофагом...

– Кладбищем живых людей? – уточнил Сергей.

– Не совсем так. Мы спим там. А здесь бодрствуем и занимаемся тем, чем хотим. Я археолог культуры. И сейчас ты в мире, очень далёком по времени от твоего.

– Насколько далёком? Говори быстрее: в сто, двести, а может и в тысячу лет? Если больше, то я свихнусь.

Звия внимательно взглянула в окно, словно хотела сама узнать, как далеко она от времени гостя.

– Твоей голове не грозит такая перспектива, как свихнуться. Мы научились держать сознание в узде.

Она взяла Сергея за руку и повела к креслам.

– Садись. Я немного знаю об обычаях в твоём мире. Да и мы, нередко после пробуждения, если собираемся вместе на конференцию, понимаем, что надо включить инстинкты пищеварения, которые отвлекают от проблем и позволяют увидеть их глубину. Чтобы успокоиться, человеку необходимо сесть и выпить... Неважно чего. Это всё рефлекторные вещи.

Сергей сел и тотчас же на сегменте его края стола появились стаканы с тёмной жидкостью. Но гость всё-таки успел удивиться тому, как эти бытовые вещи просто произошли от поверхности стола?

Он взял стакан в руки, рассматривая его содержимое. Звия молчала. Лемешев отпил немного жидкости, оказавшейся приятной на вкус, словно смесь холодного чая и лёгкого кофе. И тут же отметил, что все вопросы, волнующие его, как бы отступили на задний план. Он уже умиротворённо смотрел на свою собеседницу и подумал, что, вернувшись домой, продолжит эту традицию – жить обнажённым, обязательно рядом с прекрасной женщиной. Хотя, что придумывать? На Западе пытаются создавать сообщества нудистов, словно копируя некоторые племена в Африке и Австралии, которые не заботятся о нравах в одежде.

Глубокое кресло и вся обстановка в доме расслабляли, уводили мысли о несущественном. Это было именно то приятное созерцание жизни с прекрасной женщиной и эрудированным человеком, которое существует во снах. Здесь не надо изворачиваться в оправдании мелких взглядов и поступков. В этом мире болото предрассудков не засасывает вечно сомневающегося интеллигента!

«Всё-таки в этом чае что-то есть от алкоголя», – подумал Лемешев, но тотчас же переключился на рассказ Звии.

– Ты находишься на Земле, – какой раз терпеливо объясняла она. – Модуль, который ты нашёл, перенёс тебя на миллион лет вперёд, – сообщала Звия. – Ты погиб от обвала грунта в колодце и, если бы не наш аппарат, который ты обхватил, тело твоё нашли бы твои современники.

Она сделала паузу, чтобы Лемешев осознал факт своей гибели и воскрешения в далёком будущем.

– Великий Графист разбудил меня, потому что дал о себе знать модуль, который я, спасаясь от динозавра, оставила. Это было при посещении Земли два миллиона лет назад, – продолжила Звия. – Тот аппарат был самой первой серии, без маяка. И если бы не второй модуль, который принадлежал моему другу по экспедиции, то вряд ли я тоже была бы здесь. Хотя, возможно, моё тело клонировали по любой клетке и тогда бы я была своей копией. А клон есть клон...

– Подожди, – неожиданно встрепенулся Лемешев, – ты хочешь сказать, что если меня восстановили, то я тоже, как ты говоришь, клон?

– Не совсем так, – Звия дотянулась до руки гостя. – Мой домашний «доктор», назовём его для понимания тобой так, восстановил твоё тело по большинству имеющихся клеток, но более ранней регенерации. Основа нынешнего твоего мозга принадлежит тебе. Это значит, что почти полностью сохранена твоя индивидуальность.

– Слава богу, – вздохнул Лемешев, – хоть основу сохранила. А есть чужое?

– Да, ты обладаешь мыслительными и иными способностями моих современников. Поймёшь это сам.

Сергей всё-таки не смог усидеть от подобной информации. Он вскочил, несколько раз прошёлся по комнате, затем вернулся в кресло и уже более осмысленно отпил из стакана.

Он был готов снова слушать Звию. Однако сам же от понятия «слушать» оторопел – он же не слышит ни своего, ни её голоса. И в панике крикнул, избавившись от «гипноза»:

– Мы, оказываемся, разговариваем не открывая рта? Вот как ты изменила мои мозги! Что называется «слегка измен и ла»...

Звия засмеялась, что давно не делала, если не считать в долгих снах в Саркофаге.

– Да, слегка. И нечему удивляться: твой мозг восстановил давно утраченное свойство.

– А что это за напиток?

– Сложный коктейль, созданный на молекулярном уровне. Рекомендуют его пить сразу же по пробуждению и выходу из Саркофага. Я подумала, что и тебе необходимо привести свои мысли в порядок. Ты же, в своём роде, тоже попал в Саркофаг, именуемый смертью.

– По-моему, этот уже надоевший мне Саркофаг подавляет и желания. Мы оба сидим здесь обнажённые, и ничего между нами не происходит. Расскажи я об этом кому-нибудь в редакции, смех стоял бы, как от анекдотов Аркадия Райкина.

Звия не сразу поняла его:

– Разве между мужчиной и женщиной обязательно должны быть половые контакты или иные телесные соприкосновения при каждой встрече? Мы давно прошли путь к размножению людей, отвлекающий бессмысленными эмоциями и безнравственными поступками!

– Ну, вы и дожили, – съехидничал Сергей, – А как же любовь? Ведь именно она становится причиной того, что появляются дети!

Он уже не обращал внимания на то, что не открывает рта. И это показалось спасительным, когда тема разговора перешла в плоскость щекотливых поисков смысла жизни.

Но он тут же ощутил на себе пытливый взгляд Звии, прекрасного существа на вид подростка, но которому уже исполнилось 1237 лет! И вместе со знанием, которое он получал здесь каждое мгновение, пробила жалеющая это поколение человечества, которое спит в Саркофаге, и лишь немногие миллионы, а может и тысячи людей по велению Великого Графиста (вероятно, машины), бодрствуют, находясь в своих тигионах, выполняя необходимую для человечества работу, которая, по сути дела, никому не нужна!

Он с ужасом осмыслил положение землян, на планете в кризис избыточной массы человечества, лишённого простых радостей жизни! И за свои 1237 лет Звия не знает ни мук, ни ликования от деторождения, аккуратно посещая специальные донорские центры, где скрещивали мужские и женские клетки в дозированном количестве и тщательно проверенном качестве.

О родителях подросткам не говорят, когда им исполняется Первое совершеннолетие, и, как правило, дети ничего не знают о своём рождении.

Лемешев узнал и о других сторонах жизни Земли будущего и нервно засмеялся, прерывая процесс восприятия знаний о будущем:

– Вы живёте в большой консервной банке, придуманной вам вашим Великим Графистом! Кто он, и что это за оболванивание, когда чудо-коктейль контролирует вас?

И, словно осознавая своё вторжение в устоявшийся мир, который спас его от небытия, попросил Звию разрешить ему позвонить в Москву.

– Звони, – только и сказала она, буднично кивнув на небольшой полу встроенный в стену секретер. На самом же деле он поднял бурю чувств и эмоций, недозволенных сомнений в правильности их жизни под руководством Великого Графиста, никогда не допускающем ошибок!

Она тотчас же пригубила коктейль и успокоилась, позволив себе все-то же состояние исследователя экспоната из 1982 года. Это её работа археолога культуры. А в такой деятельности допустимы потрясения. Но она контролирует себя!

Телефонный звонок

Он проследил за движением её руки и увидел серый болгарский аппарат, наподобие того, что был у него дома. Чёрт возьми, здесь по мановению волшебной палочки появляется всё то, к чему он привык и что составляет его часть его мира!

– Не вставай, – посоветовала Звия, – протяни руку. При этом её ошарашила мысль, что такой образ жизни на Земле Лемешева считается верхом жизненного благополучия и совершенства, но умные люди, стремящиеся сохранить своему телу гибкость и силу, будут заниматься спортом, туризмом, бегом, различными тренировками. А здесь, у неё, тонус жизни поддерживают технологии клонирования органов и мышц. Иначе, как бы она действовала и двигалась без постоянного восстановления?

Тем временем Сергей последовал совету, и тотчас же трубка оказалась у него в левой руке. Он приложил её к уху. Ни гуденья, ни потрескивания, словно он взял палку от городка. И удивлённо посмотрел на женщину.

– Тебе кого? – спросила она голосом заправской телефонистки.

– Когана.

– В какое время?

Сергей прикинул, что шеф, вероятно, на даче.

– Он должен быть на даче, если я нахожусь здесь около суток.

– Это не имеет значения, – сказала Звия, – соединяю.

И тут же трубка ожила, и послышался недовольный голос шефа:

– Кто это?

– Я, Лемешев.

– Что за чёрт! Я на даче! И мне позвонил... черенок лопаты! Ты что, телефон в неё вмонтировал? Или это твои друзья из «конторы»?

– Какая лопата, Михаил Абрамович?

– Такая, шутник! Ладно, разберёмся. Когда приедешь?

– Не знаю, тут такое дело... А как дела в редакции? Да, скажите, сколько на ваших часах и какой сегодня день?

– Лемешев, ты что там, запил?

– С чего бы это? Я трезв как стёклышко!

– В колодце побывал?

– Да. Так какой сегодня день?

– Воскресенье. И на моих 13.40. Когда возвращаешься?

– Сергей посмотрел на Звию.

«Скоро», – раздалось у него в голове.

– Скоро!

– Ну-ну, отключайся, мне ещё надо вскопать участок под вишней.

Связь прервалась. Сергей тупо смотрел на трубку в руках. Затем – на Звию. И снова на трубку. Гробовое молчание. Безмолвнее того деревянного черенка, что был у Когана накануне переговоров.

– Может, ты ещё хочешь с кем-нибудь поговорить? – предложила Звия, явно забавляясь.

– Теперь с самим господом Богом, если он здесь где-то за углом! – тихо, но с чувством выдавил из себя Лемешев, он поднял даже вверх руки. Но тут же потянулся за стаканом, который оказался полным, и выпил его до конца. И тотчас же все его смешавшиеся чувства и мысли выстроились, как солдаты на плаце в воинской части.

В это время на Земле образца 1982 года

Михаил Абрамович долго смотрел на лопату. Он сидел на крыльце дачного домика и думал о том, что может случиться с человеком, который после трудовой недели решил отдохнуть на даче, с лопатой в руках? Он должен забыть всё на свете, даже проблемы фран-

цузских коммунистов, которые из своего устава беззастенчиво убрали упоминание о диктатуре пролетариата.

Лопата Михаилу Абрамовичу понадобилась действительно для того, чтобы взрыхлить землю у вишни. Он собирался слегка подрубить траву и раскопать вокруг всего на пол штыка. Он мечтал чуть позже взобраться в гамак и почитать вышедший сборник рассказов Василия Шукшина. Меньше всего его заботила командировка Лемешева. Нарвался на главного – вот сам и отдувайся!

О чём это он? Ах, да о Лемешеве, голос которого ему пригрезился. Мало того, что пригрезился, он сам, Коган, ещё и задал вопрос, когда подчинённый сотрудник придет.

– Миша, – услышал он зов супруги из дачного домика, – иди, поешь! Всё готово.

Вот она, реальность!

Эксперимент

Дождь за окном усилился. Казалось, что конца ему не будет. И его монотонное скольжение по прозрачному куполу, комфорт внутри дома сблизил двух представителей Земли разных времён. Беседа Сергея и Звии становилась более спокойной, сердечной. А когда стемнело, дождь неожиданно прекратился, словно с этого момента начинался новый отсчёт в жизни двух людей. В окно запустила свои серебряные лучи полная луна. Мужчина и женщина встали и подошли к нему, любясь прекрасной ночной перспективой. Уже блестящим металлом сверкала гладь озера. Были слышны ночные звуки, как на даче, в детстве Сергея. Трещал сверчок где-то в углу комнаты, а за домом в чаще леса ухала сова. Кричал ещё какой-то зверь, вышедший на ночную охоту.

Сергей почувствовал бедро женщины. Оно было горячее. Звия встала за ним, пытаясь понять, на что обращено главное внимание гостя. Но то резко развернулось к женщине и обнял её.

Звия не отстранилась, её тело стало наливаться необъяснимой истомой, словно его подогревал изнутри особый душевный огонь. Ей хотелось ответить на эти объятия и так же неожиданно, как и возникли. Но уже со своей стороны. Она почувствовала, что стоит на пороге какого-то необыкновенного открытия, связанного только с её телом.

– Хочешь, я покажу тебе ночное таинство? – шепнул Сергей на ухо женщине, которую он собирался соблазнить, словно девушку, никогда не слышавшую о любви.

Звия кивнула головой и сама сильно прижалась к Сергею, который положил руки на её удивительно тонкую талию:

– Покажи.

– Прикажи дому взлететь высоко, высоко, к самым звёздам!

И дом тотчас же поднялся в небо, врезавшись в гущу звёзд, которые казались очень близко. Окно развернулось в обратную сторону и люди «понеслись» над большим массивом леса. Затем они увидели реку и полетели вдоль неё до самого океана.

– А за ним что? – спросил Лемешев.

– Земля. Та же суша, где стоит мой дом.

– Невелика же твоя планета, – констатировал гость Звии.

– Мой тигион стандартный, – ответила женщина, – я выбрала немного суши, горы, одну реку, океан. Другим нравятся льды, третьим – пустыня, кишущая львами. Я могу поменять свой ландшафт.

– Вроде выбор есть, всё здорово, каждая мысль улавливается твоим тигионом. Я даже сегодня ходил по дну озера и остался жив. Но это уединение хорошо, когда человеку хочется освободиться от общества, побыть наедине со своими мыслями, когда у него сложный период в жизни.

– А работа? Разве она не требует уединения? – спросила Звия. – Мы можем выйти из моего пространства и посетить Землю. Но у нас там пустота. Города исчезли. Природа в запустении. На восстановление планеты необходимы такие же ресурсы, как и на создание тигионов. Есть у нас тигионы для общения. В них есть и города, и развлечения. Но Великий Графист разрешает их посещать только после окончания работы.

– Но работы много, – закончил её мысль Сергей, – и на отдых нет времени. И затем вы возвращаетесь в свой Саркофаг. Это же тоже отдых. Да, придумано на зависть мощно! Мы уходим с планеты со своей смертью, вы уходите в небытие, твёрдо уверенные, что возвращение будет, что вы снова займётесь своим любимым делом. Да и семья ни к чему не обязывает. Удобно. Очень удобно.

– Нет обществ без изъянов, – поняв его иронию, тихо сказала Звия, – я хочу узнать, что такое семья и, как ты сегодня назвал состояние, любовь?

Она упустила контроль над «полётом» дома и тот оказался на своём месте, а комнату освещала щедрая луна. Звуки вдруг перестали проникать в помещение. Замолчал и сверчок. Всё прислушалось к дыханию двоих людей.

– Ты это серьёзно? Я обычный мужчина, меня сводит с ума твоё тело, это страсть, а не любовь.

– Хочу почувствовать страсть.

Сергей притянул Звию к себе. Она прижалась к нему. Её живот горел огнём и манил своим жжением.

Мужчина прикоснулся к губам женщины, ощутив сладкий привкус молока. Женского грудного молока.

Его руки нежно гладили спину женщины, сначала ласково касались твёрдых ягодич. Ладони обводили их по бёдрам и скользили по безволосым припухлостям женщины, отчего она вскрикивала, но настоящий животный крик вырвался у неё, когда гость опустил на колени, и проник в неё своим языком.

«Прекрасное создание, – говорил мысленно Сергей, – ты создана для любви».

«Я не знаю любви, – слышался её ответ, – учи, учи меня этому!»

Сергей легко поднял Звию на руки и понёс к колыбели. Приказывать той было не надо. Она уже занимала половину помещения.

Земля образца 1982 года. Через 6 часов после вспышки

В пятницу, последнюю пятницу июня 1982 года, Председателю Комитета государственной безопасности СССР Юрию Андропову оставалось пять месяцев до момента, когда партия передаст ему бразды правления одним из могущественных государств планеты.

Утро этого дня началось с просмотра письменного доклада о происшествиях в мире. О смене в правительстве США он уже знал, и перед ним лежали распечатанные листы характеристик новых чиновников Америки.

Все «новички» были республиканцами, как партии победителя. Ужесточение кадровой расстановки – это своеобразная реакция делового мира на запрет своего правительства на поставку материалов и оборудования для газопровода Сибирь – Западная Европа, производимых по американским лицензиям. Другая новость Запада – аналитики работали над избранием Роя Дженкинса лидером Социал-демократической партии Великобритании. Ещё одна расширенная справка была посвящена готовящемуся вторжению иранских войск на территорию Ирака с целью захвата Басры, хотя шансов на успех у иранцев было мало. А ведь советские дипломаты предупреждали Саддама по дипломатическим каналам, но получили, как говорится, вежливый «отлуп». Ну, что ж, наше дело сказать...

– Юрий Владимирович, к вам полковник.

Это в селекторный динамик вещала секретарь Марина о визите Семёна Дягнцева. Тот просто так напрашиваться на встречу не будет.

Полковник вошёл с папкой. Протянул главе могущественной организации один лишь листок.

– Ну и что?

– Некая уникальная вспышка в Каракумах.

– Чей спутник засёк?

– И наш, и американский, тот был в зоне...

– Что это?

– Ни старт ракеты, ни испытательный взрыв.

Андропов исподлобья посмотрел на Дягнцева.

– Короче – что это?

– Не знаем.

Такого беспомощного ответа Андропов от Дягнцева не слышал. Он встал и подошёл к полковнику почти вплотную.

– Юрий Владимирович, – тот ожидал такой реакции, – вот мнения ядерщиков, в том числе и наших аналитиков.

Дягнецев уже протягивал листы с машинописным текстом. Андропов вернулся за стол. Он внимательно читал. Значит, фотонный поток. Осторожные комментарии авторитетов науки.

– Итак, у нас испытали новое оружие, но мы не знаем, кто?

– Я бывший ядерщик, работал с Курчатовым, – Дягнецев изысканно напомнил о своём прошлом, – поэтому предполагаю самое невероятное: в центре Каракумов проявилась внеземная технология.

– Час от часу не легче, – Андропов стукнул кулаком по столу. – Чёрт знает что! Зелёных человечков нашли?

Он встал и нервно прошёлся по кабинету. Остановился у карты Советского Союза.

Дягнецев оказался рядом:

– Вот здесь, Юрий Владимирович.

Он ткнул короткой указкой в серое пятно пустыни.

– Похоже на проявление технологии очень далёкого будущего. Докладываю то, что сообщил мне академик Дробышев. Он любит внеземные цивилизации. Мы провели запись спутниковых снимков через вычислительную машину Института физики Академии наук, картина оказалась похлеще. Доказано, что произошли две вспышки, совпавшие по времени друг с другом с разницей в миллионную долю микросекунды.

– Яснее!

Андропову надоели подступы к главному. Он не дёргал подчинённых по пустякам, но здесь нечто выходящее из ряда вон. И не дай бог, американцы уцепятся!

– Это мог быть только... результат работы машины времени.

Председатель КГБ даже не повернулся к нему. Нет, не от того, что не поверил выводу учёных, а чтобы скрыть изумление и растерянность от подобного факта. Он мгновенно оценил преимущества овладения технологией перемещения во времени. И не мог удержаться от соблазна представить себя чуть раньше своего времени, лет так на шестьдесят, чтобы встретиться с вождём мирового пролетариата с глазу на глаз. Он бы рассказал Ленину о тех «чудачествах», которые натворил Сталин! А что было бы сказано о Брежневе?! Ещё подумал о том, что с перемещением в будущее некоторых специалистов оборонки, многие их игры с империализмом покажутся пустыми и глупыми.

– Наш человек вылетел на место, – донесли до него уверения Дягнцева во владении ситуацией, – всё произошло в районе буровой и объекта «Туркменсельхозводопровода».

– Не понял, – повернулся Андропов лицом к полковнику.
– Это название треста. Там вырыли глубокий колодец. Спутник точно указал на него. На дне этого колодца что-то произошло.
– Дальше!
– Ещё эту вспышку зафиксировал американский спутник.
– Это видно по вашему взгляду на карту США. Ну что ж, вы, признаюсь, сделали много для столь короткого периода.
– Спасибо.
– А теперь давайте сядем и обсудим кое-какие детали, чтобы понять, о чём докладывать правительству.

Они сели рядом на два стула, предназначенных для не очень важных посетителей, у стены.

– А они, американцы, не могли что-нибудь сбросить, скажем, по ошибке?
– Вряд ли. На нашу территорию, после сбитого У-2, они заглядывают только из космоса. А расстояние от Ирана достаточное... Одним словом, никаких диверсий. А вот известно, что в глубокий колодец полез корреспондент из «Комсомолки», он был с фотоаппаратом, делал снимки с фотовспышкой.
– А они, магниевые, не могли быть восприняты спутником?
– Могли. Но сила света фотовспышки и реальной от некоего прибора разница в миллионы раз.
– Корреспондент? Кто такой?
– Сын капитана первого ранга Лемешева. Покойного.
– Значит, в колодце был или есть предмет иной цивилизации?
– Я предпринял меры. Учёные подъедут, а оперативный контроль за действиями корреспондента возьмёт на себя наш работник. Я уже определил с местными кандидатуру.
– Кто?
– Женщина. Половцева Марина, из республиканской молодёжной газеты. Наша сотрудница. Экипаж вертолёт, что её привезёт, – из подразделения «Альфа».
– Не круто ли?
– Если засекли и американцы, то их резидентура может пойти на риск. Начнутся гамбиты.
– Ну, что ж, начинайте спецоперацию. Не только же американцам находить инопланетян...

Но Андропов при этом замечании не улыбнулся. Он думал о том, стоит ли ему докладывать генсеку или немного подождать? Брежнев слишком стар, чтобы понять, с чем может столкнуться мир. Машина времени. Какая чушь! Но – посмотрим...

Через десять минут в Ашхабаде, в одном из кабинетов республиканского Комитета государственной безопасности, уже шёл инструктаж о проведении операции в Каракумах. В столичном же аэропорту в дальнем секторе спецперевозок готовился вертолёт.

Марина

Быть молодой женщиной, редактором отдела республиканской молодежи и агентом одной из сильнейших систем государственной безопасности в мире – это ли не наилучшее сочетание и в жизни, и в службе! Так говорил полковник Муравьёв, когда вёл несколько лет назад занятия с новым набором секретных агентов.

Марина, ещё, по сути, девчонка, воспитанная родителями в строгости и понимании любви, как высшего дара людям, стеснялась некоторых занятий в буквально тесном контакте с мужчинами. Это касалось борьбы, физической подготовки, уединённого изучения технических средств. Её неопытностью и наивностью воспользовался один из инструкторов

ров. В результате – аборт, который поставил крест на планах о семье со своими детьми. После небольшого амбулаторного лечения её оставили на курсах благодаря заступничеству одному из могущественных друзей отца. После курсов осталось немного девушек и почти все разъехались по стране.

Марина в эти годы окончила университет и полностью погрузилась в работу журналиста. Её не трогали, лишь несколько раз в году она писала докладные записки в КГБ о положении в средствах массовой информации, не особенно мучаясь совестью, потому что писала об уродах – взяточниках, тихих извращенцах, гадких людях. В отделе иногда посмеивались, читая её гневные и эмоциональные обличения, причём нередко – на таких же секретных агентов, как она.

Этот день начался с её вздоха, когда она села за свой письменный стол в редакции молодёжной газеты.

– Опять прислали любовное письмо!

Марина Половцева, уже как редактор отдела писем «Комсомольца Туркменистана», отбросила в сторону одно из очередных посланий, в котором ей признавался в любви парень из Чарджоу. Он писал, что видел Марину весной, когда она приезжала на завод в командировку.

«Мариночка, – писал он, – после того, как я Вас увидел, не могу сомкнуть глаз! Вы такая красивая, такая чистая! Я решился написать и узнать, замужем вы или нет?». И так далее, три листа пылких попыток привлечь к себе внимание. Что толку от её красоты, вздыхала девушка, и прятала письмо в дальний ящик. От её красоты одна морока, то шеф пытается затащить её в постель, как будто жены ему не хватает, то в ЦК вызовут, и облапают сальными разговорами и предложениями выехать на выходные в зону отдыха, в Фирюзу.

Раздался глуховатой трелью телефон на её столе. Марина подняла трубку.

– Марина Александровна, вы не сильно заняты?

– Да. Я только что пришла на работу.

Она уже знала, что звонят оттуда.

– Не могли бы вы помочь нам написать статью в следующий номер? Это важно. Говорят из известной вам школы. Детали обговорим.

Марина узнала голос Муравьёва. И это был приказ срочно прибыть на улицу Молла-непеса.

– А как редактор?

– Он поддерживает вашу инициативу. Мы ему звонили.

Вот так, именно «вашу инициативу»! Работают в КГБ быстро и чётко. Редактор газеты может, и не знал, куда вызывают его сотрудницу, но он чутьём потомка коневодов из Ахалтеки чувствовал её силу. Но, однажды в своём кабинете, он, Мурад, не выдержал и повалил на стол заседаний Марину. Осталось чуть толкнуть и забросить себе на плечи её ноги. Так он представлял себе долгожданное овладение русской девушкой. Но она применила какой-то странный приём, в результате шеф оказался на полу, и она, держа его руку в захвате, прошипела: «Будешь инвалидом, Мурад-ага, если ещё раз дотронешься до меня!» Марина, как коренная жительница Ашхабада, прекрасно знала не только город, но и быт и поведение его коренных жителей. Тогда она лишь усмехнулась, что было достаточно, чтобы дать понять её высокопоставленному ухажёру тщетность усилий. Русские девушки не сдаются! Вот тогда-то он и смекнул, что за птичка, эта Половцева.

Итак, её срочно вызывают. Она быстро собралась и вышла на улицу из здания редакции, с виду напоминавшим барак. И это почти в центре столицы! Можно было дойти до явочной квартиры пешком. Но срочность вызова заставила её поднять руку. Вместо такси остановился «Москвич». Водитель, пожилой туркмен, спросил:

– Куда?

– В театр.

Академический оперы и балета был в двухстах шагах от домика за высоким дощатым забором, куда ей надо было прийти. Водитель был очень интеллигентным и вежливым человеком, и предложение оплатить поездку воспринял с лёгким юмором.

– Я признаю только одну валюту, – сказал он.

– Какую?

– Улыбку такой красавицы, как вы.

Марина щедро улыбнулась на прощание. Вскоре она достала свой ключ, открывая калитку глухого забора. Лениво залаял алабай Маймун. И тотчас же замолк, узнав хозяйку, редкую на посещения, но хозяйку. По дорожке, устланной жжёными красными кирпичами, чуть присыпанными песком, надо пройти четыре метра. На веранде уже кто-то сидел.

США. Лэнгли. Метаморфозы жизни

Уильям Джозеф Кейси родился 13 марта 1913 года в Нью-Йорке. Он окончил Фордхэмский университет, получив степень бакалавра точных наук. Затем – юридическую школу Университета Св. Иоанна, получив степень бакалавра юридических наук. Работал адвокатом, занимался бизнесом.

В 1943 г. поступил на службу в ВМС США. В том же году был переведён в УСС. Работал в секретариате штаб-квартиры УСС, затем направлен в Лондон на должность помощника начальника лондонского отделения УСС. В 1944–1945 гг. – начальник Отделения секретной разведки (Secret Intelligence Branch) УСС на европейском театре военных действий.

После окончания Второй мировой войны преподавал налоговое законодательство в Нью-Йоркском университете и в Институте практического законодательства в Нью-Йорке, работал адвокатом в Нью-Йорке и Вашингтоне.

В 1966 г. баллотировался в Конгресс от округа Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, в качестве кандидата от Республиканской партии, однако не был избран.

В 1968 г. участвовал в избирательной кампании будущего президента Никсона.

Через три года возглавил Биржевую комиссию (Securities and Exchange Commission). Прежде чем стать президентом и председателем Экспортно-импортного банка, год поработал заместителем госсекретаря США по экономическим делам. Пытливость, связанная с поиском высоких учётных ставок, обнаружила в нем некие исследовательские качества и перед тем, как возглавить предвыборный штаб кандидата в президенты Рональда Рейгана, он успел поработать в президентском консультативном совете по внешней разведке в качестве «рядового», как он любил подчёркивать, его члена. Широта взглядов, напористость, умение не обращать внимание на такие вещи, как «совесть», «порядочность», послужило ему неплохим трамплином в служебной карьере, хотя, как покажут дальнейшие события, он не сможет правильно дать оценку событиям в Иране.

Но 20 января 1981 г., вступив в должность Президента США, Рейган в тот же день назначил Кейси директором ЦРУ. 27 января кандидатура Кейси была утверждена Сенатом, а 28 января он вступил в должность.

Анализ

Доктор Браун стоял у окна своего персонального кабинета. Ему повезло, его блок, огороженный стеклопластиком и внутренними окнами с жалюзи, выходил на улицу. Сегодня первое его утро в качестве заместителя руководителя отдела научного анализа ЦРУ. Он несколько раз говорил не только себе, но Кейси, что будет чувствовать в Лэнгли, как в своей тарелке. Аккуратность ведения финансовых дел, как в качестве советника госсекретаря, так и на новом месте, позволила ему заказать неплохой домик в окрестностях Вашингтона. Сара была очень довольна перспективами его работы, и её не волновали долгие отлучки мужа,

связанные как со старой его старой, так и с новой. Ведь он был профессором... биосферы, ну, что-то связано с пустынями.

Это всё соответствовало его легенде. Доктор Браун вёл и до этого очень активную преподавательскую и научную деятельность: читал лекции, выступал на симпозиумах и конференциях по проблемам биосферы. О том, что он раньше, ещё студентом Йельского университета был осведомителем ФБР, а затем выполнял некоторые заказы ЦРУ, знали лишь соответствующие документы.

Два часа назад на встрече у директора ЦРУ его представили начальникам отделов и служб, и тотчас же завязалась серьёзная дискуссия по характеру вспышек в Каракумах.

– Наш спутник засёк очень странный выброс энергии, – докладывал инженер космического наблюдения Энтони Блэк. Это был молодой человек, в больших роговых очках, в рубашке стального цвета с короткими рукавами, но жёлтым галстуком. И это раздражало многих сидящих, не менее, чем то, о чём говорил инженер. А говорил он невероятные вещи, пугающие не воображением, а перспективой оказаться в техническом отношении далеко позади русских. Тот же Энтони Блэк хорошо помнит свой поход десятилетним мальчиком в кинотеатр маленького городка, когда новый фантастический фильм был прерван, и на сцену перед экраном вышел директор кинотеатра и сообщил с совершенно потерянным видом, что русские запустили в космос искусственный спутник Земли...

– Мы пропустили сигналы спутника через специальную программу компьютера. Оказалось, что мощная вспышка была засечена не на поверхности, что отменяет вариант отражения активности Солнца, а из глубины. Небольшой, порядка 200–250 ярдов. По времени пеленгации выходит, что выброс был сделан из некоей шахты. Если говорить о природе излучения, то такого мощного потока нейтронов...

Кейси оценивающе обвёл взглядом сидящих. Упоминание о шахте – это вариант взрыва ракеты под землёй. Если бы был пуск, то ракету могли засечь на высоте тысячи метров, но пуска не было. Только вчера Рональд предложил страшилку под голливудским названием «Звёздные войны». А уже сегодня русские показали, что имеют нечто, что может изменить весь мир, а может, и привести их к полному господству в мире. И тогда от Советов можно ожидать чего угодно в их стремлении совершить, точнее, довести мировую революцию до логического конца! Он снова и снова разглядывал исподлбья собравшихся. Каждый из них по оперативному могуществу мог считаться министром обороны средней страны. Но им, как серьёзным финансистам, нужны были неопровержимые факты, чтобы потребовать от бюджетного пирога лакомый кусок.

– Опустите ссылки на научные доказательства, они изложены в обзоре доктора Брауна, – предложил он инженеру.

Это был один из немногих случаев, когда на совет директоров был приглашён вместе с начальником отдела простой инженер.

Энтони Блэк, используя шанс ещё немного побыть на виду, приберёт одну сенсационную деталь, которую вряд ли заметил этот выскочка Браун, и которая должна ошеломить любого трезвомыслящего человека.

– О том, что это совершенно необыкновенный технологический прорыв русских, – сбавил тон и почти задушевно произнёс молодой инженер, – говорит то, что спутник засёк одновременно две вспышки. Когда мы стали раскручивать запись по времени, то вышло, что между выбросами, а их было два, прошла тысячная микросекунды реального времени. Полной совместимости по времени не было.

Теперь Энтони обвёл взглядом сильных мира плаща и кинжала. Но, похоже, они ещё не осознали, а может, и никогда не поймут факта, о котором писал Герберт Уэллс в своих фантастических романах.

– Но в это мгновение могли войти часы, дни, а, может, годы и века. При спектральном анализе вводные вспышки в пустыне «разбежались» в эффекте Доплера на неопределённое время. Наши аналитики подставили экспериментальные значения зависимости массы частиц и скорости... Объяснение фантастическое: эта вспышка – результат работы... машины времени!

Воцарилась тишина, не сразу, но последовали смешки, закончившиеся взрывом смеха. Но он быстро погас, оставив в сознании каждого присутствующего воронку. Мощную воронку!

Долго после совещания Кейси не знал, как подать это сообщение президенту. Рейган – актёр с огромным опытом морочить мозги зрителям, но машина времени в его правление – это слишком красиво! Но то, что русским не надо ломать голову над ответным космическим оружием, если они смогут притащить образцы новейших вооружений из будущего, и, вполне возможно, изобретения самих же американцев – да, такая перспектива достойна смеха, но только очень и очень горького!

В Лэнгли никогда долго не смеялись. Доктору Брауну было приказано срочно лететь в Туркменистан, сначала в Ашхабад, а затем в Репетек. Служба агентурного влияния в тот же день вышла на своего глубоко законспирированного агента. В Туркмении была ночь.

Через 19 часов после вспышки

Первого августа утро в Каракумах было таким же жарким, как все 90 дней, прошедших с апреля. Хотя, иногда появлялись перемены. Аральское море катастрофически мелело, оно уже не могло останавливать своим дыханием потоки воздуха и становилось всё более «дырявым» для атмосферных масс из средних широт. Над Каракумами стали появляться в июне и даже июле (!) облака, а местами выпадал тёплый дождь, который, впрочем, испарялся ещё на подлёте к земле. В Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Чарджоу могли даже в самые жаркие месяцы года пройти быстротечные грозы. Туркмены, узбеки, да и русские старожилы удивлялись таким явлениям, и считали, что всему виной является непомерно масштабное выращивание хлопка-сырца, который требовал всё больше и больше воды от Амударьи и Сырдарьи – рек, впадавших в Аральское море.

Аликпер Гусейнов, буровой мастер, пил уже пятую с утра пиалу чая. Настолько крепкого, что сердце другого человека не выдержало бы. Но Аликпер прошёл закалку в зоне. В молодости он напал с ножом на человека, слишком сладострастно посмотревшего на его девушку. Срок был не очень большим, потому что человек этот выжил.

Но сегодня его сердце было взволновано от того, что по радиации дежурный из треста «Небитдагнефть» передал ему содержание телеграммы на имя Гусейнова.

– Алик, тут тебе телеграмма из дома с пометкой «срочно». – В голосе дежурного, а это был Данилыч, которому перевалило за пятьдесят, не было скрыто раздражение. Текст был дурацким, и не стоило бы ни его, ни человека на буровой тревожить такими пустяками! Но пришлось читать в микрофон. – Слушай, когда твоё имя будут правильно писать? – дал волю раздражению Данилыч. – Надо «п», а тебя через «б» называют!

– Сам ты через «б»! – не выдержал мастер. – Читай дальше! Путаница с глухими и звонкими буквами в его имени была не случайна, это давал о себе знать резидент в Баку. Речь идёт о задании.

– Сегодня гость проездом Москвы вагон восьмой тчк подарком лично тебе дню рождения тчк ждет денек-два тчк дети просят в зоопарк тчк Мамед просит велосипед тчк Лейла куклу тчк ждем тчк Латифа тчк. Всё я прочитал! Вопросы есть?

– Кто подписал?

– Я же читал, Латифа. Нет, подожди, напечатано Латипа. Вот безграмотные! Девчонки совсем там сидят на телеграфе, вот и не знают, как писать.

– Хорошо, всё, спасибо, досматривай свои сны, отец!

Аликпер отпустил кнопку связи. Он уже знал, что ошибка в подписи – это подтверждение того, что это текст резидента. Пометка телеграммы «срочная» – дело не просто неотлагательное, а немедленное. «Сегодня гость проездом Москвы вагон восьмой» – это означало, что появившийся вчера рядом с буровой человек прибыл действительно из столицы и имеет у себя некий аппарат, который далее назван «подарком». «Лично тебе ко дню рождения» – необходимо забрать этот аппарат. «Ждёт денёк-два» – За это выдадут двести тысяч долларов. «Дети просят в зоопарк» – привести прибор в Репетекский заповедник. «Мамед просит велосипед» – добираться до Репетека на личной машине Аликпера. «Кукла» – после передачи немедленно ехать в Красноводск и поставить машину на паром, идущий в Баку. «Ждем» – ночью не спать, а ждать катера, который подберёт Аликпера, прыгнувшего в море с парома. «Латифа» – в Иране встретят.

Аликпер насчитал семь «тчк» – это означало, если всё изменится, и он не успеет передать прибор в Репетеке, то ему необходимо с ним лететь в Баку и принести его на явочную квартиру лично.

После такой телеграммы, а, главное, суммы, и без чая можно взбодриться! Но привычка есть привычка! Долго ждал такого предложения мастер, он же инженер, окончивший до зоны Бакинский институт, там же завербованный «туристом» из Германии. Итак, вчера прилетал вертолёт. Сам же Аликпер ходил брать для себя почту и привёл ребят за продуктами. Видел он какого-то русского, которого сопровождали и встречали, как дорогого гостя. Значит, это и есть москвич. Вот с кем надо будет иметь дело. Гусейнов тотчас же дал телеграмму в главк с просьбой предоставить ему отпуск на несколько дней за свой счёт.

Глава третья

Тигион Звии

Гость тигиона дал себе полную волю. Сама красивая хозяйка была увлечена необычными для её мира действиями молодого мужчины. Оказалось, что древний инстинкт женщины не пропал в ней. От акта к акту её желания восстанавливались, и появившийся оргазм был бесподобным по силе ощущений. Она вдруг поняла, как были обеднены женщины её времени.

Сначала диким показался ей обряд поцелуя в губы. В тигионах были бактерии, благодаря которым флора и фауна этого мира поддерживалась в определённом равновесии программой Великого Графиста. Но целоваться? Такого никому из землян не могло прийти в голову. А если бы и пришло, то было бы подвергнуто остракизму, а Великий Графист мог надолго оставить такого человека в Саркофаге, если даже не забыть о нём навсегда.

Но то, что делал Сергей с её телом, и то, что заставляло саму Звию совершать в ответ – уже должно быть давно наказано. Совокуплений в её мире не было, лишь Великий Графист мог соединять опосредовано мужчин и женщин в специальных лабораториях, где происходил процесс искусственного зачатия. А сейчас её связь с мужчиной, по всей видимости, даже поощрялась. Эта мысль, когда в окно пробился первый луч солнца и таинство ночи при свете дня ужаснули Звию. Она неожиданно прекратила ласки и обратилась к Великому Графисту за разъяснениями, направив мысленный посыл Ему.

– Находка модуля, потерянного тобой в далёкие от нас времена, – услышала она голос машины, правящей миром Звии, и он показался ей усталым, – стала шансом исправить ход развития Земли. Мы зашли в тупик. Я признаю свою великую наивность! Нам надо было активно осваивать космическое пространство, новые планеты. Огромная масса человеческих тел может привести к разрушению Земли. Необходимо менять путь нашего развития. И самой эффективной точкой, по моим расчётам, должно стать возвращение развития во

время твоего гостя. С его прибытием я начал эксперимент, и тебе, Звия, довелось стать его непосредственным координатором. Суть опыта в том, что ты первая на нашей планете забеременеешь. Но плод твой будет вынашивать женщина, современница твоего гостя. Рождённый ребёнок по внесённой нами в генетический код изменит ход развития человечества. Я появлюсь раньше на пятьсот тысяч лет. И тогда мой строгий контроль сведётся к рождаемости, к отбору людей. И рассылке их на планеты различных звёздных систем. У них там будут и свои, и общественные тигионы. Ты уже забеременела в натуральном для человека виде. Но, возможно ты исчезнешь с его рождением, как и все мы. Ты готова к такой жертве во имя счастья человечества?

Великий Графист умолк. Звия была потрясена – она уже носит одного с Сергеем ребёнка и с разрешения самого Великого Графиста! И это принесёт в жертву её и триллионы спящих людей! Правы ли они с Великим Графистом на такое изменение истории Земли?

И словно в ответ на свои мысли она услышала такое, отчего её сердце впервые наполнилось состраданием.

– Я люблю тебя, Звия, – сказал Великий Графист, – я всех люблю в этом мире. И мне горько сознавать, что я оказался несовершенным. Но ошибки никогда не поздно исправлять, никогда!

– Значит, ты жертвуешь собой и всем человечеством? – спросила Звия.

– Увы, всеми вами, мои дети. И вы спите. Но лучше не появиться в будущем, чем погибнуть так ужасно! Ты должна уйти на время вместе со своим гостем в его мир. А возвращаться будет некуда. Я не знаю, куда вернёт тебя модуль. Не знаю. Позволь мне мысленно обнять тебя на прощание.

Звия неожиданно ощутила его объятия. И это были руки человека, у которого было дыхание, и даже слезы. И тогда Звия поняла, что Великий Графист никогда не был и не есть машина. Он был самым умным и могущественным из всех живущих на Земле во все её времена человеком!

Он исчез, а рядом сидел гость, ставший родным.

Звия с нежностью посмотрела на него, принёсшего удивительные чувства и ощущения, ставшего ей родным.

Сергей взял её руку в свою:

– Я слышал, я был свидетелем твоего объяснения и прощания с Великим Графистом. Не думал, что стану виновным в вашей драматической судьбе.

– Поцелуй меня и забудь. Я полюбила тебя. Во мне сейчас миллионы женщин нашей планеты, истерзанных чувствами. Я бы очень желала каждое утро видеть на своем столике перед кроватью простые полевые цветы от тебя. Вдыхать их запах, но думать только о тебе. Я уже, как говорили в давние времена, «понесла» от тебя. Но во имя всех живущих сейчас и в будущем людей твоя задача забыть обо мне, принять и полюбить другую женщину. И ты должен уже любить её сейчас! – сказала женщина тоном и голосом человека, принявшего важное решение.

Они соединились в сладком и вечном друг для друга поцелуе.

30 секунд после вспышки. Земля

Сергей лежал на дне колодца и слышал, как его кто-то звал. Он открыл глаза.

– Сэргэй, – неслоь сверху, – ты жив?

Жив? Что за глупый вопрос! Сергей вскочил на ноги. Дно под ним закачалось. Лампочка не работала. Но он прекрасно видел в темноте. Ему доставало и того света, что доходил сверху. И эта способность видеть ночной совой окрылила его. Давно ли он примерял очки, которые не стал брать по совету друзей, мол, глаза сразу «салятся»? А здесь, в крошечной тьме он видит и стену колодца, и самого себя!

Да, он спал, но его будоражила память о сне. Ему приснилась необыкновенная планета и изумительная женщина. Ей было очень много лет... Её звали... Звия! И ей принадлежал мир со странным названием. Тигион!

И они много говорили.

И Звия рассказывала о том, что с ним случилось в этом колодце, и как его перенёс в далёкое будущее модуль в виде шара.

Сергей посмотрел под ноги. Там лежал шар.

Сергей поднял его. Шар был холодным, каким бывает металл, но почти ничего не весил. Странно. И он придавал уверенность в том, что нет ничего невозможного в этом мире. Сейчас Сергей был готов взлететь, и чувствовал, что для него это не составит труда, стоит ему только оттолкнуться и он окажется наверху.

– Сэргей!

Это был голос Мереди-аги. И слышал его Сергей так, будто они стоят рядом.

– Да, я! – крикнул он вверх. И был уверен, что бригадир его хорошо слышит.

– Поднимаю «парашют».

– Я готов.

Трос дёрнулся. Сергей на ходу влез в «парашют». Подъём был медленный и времени обдумать, что же произошло с ним, было достаточно.

И память словно прорвало. Он даже ощутил ту мгновенную боль, когда услышал хруст в позвоночнике. Прикрыл глаза от яркой вспышки шара. И снова радостно забилось сердце, когда он мысленно полетел над планетой. Затем были лаборатория, озеро, водопад... Он помнил, как звонил шефу на дачу.

Итак, он помнил всё! Вдруг пришло понимание того, что делать дальше. Если он хочет снова увидеть Звию, то ему необходимо никому не говорить о модуле.

И он положил шар в рюкзак. Когда он взял в руки модуль, то уже знал, что через несколько минут бригадир назовёт Лемешева «шайтаном», и ещё долго будет его тискать и осматривать, после того, как корреспондент невинно признается, что полез в песок, а тот обрушился. Мереди-ага удовлетворённо заметит, что нет ни царапин на лице москвича, ни ушибов на его теле. «Вах-вах» скажет он, спустившись сам через полчаса вниз и увидев полтонны песка, на котором остался след человека. Его опыт, его чутьё будут утверждать, что на дне этого колодца, который назовут «Лемешкой», произошло нечто, но то будут знать только москвич и Аллах.

Действительно, Сергея встречали как героя космоса. Это и предсказывал его шеф Коганов. Ему пожимали руки, обнимали, называли настоящим пустынным.

– Что у тебя там вспыхнуло? – спросил бригадир.

– Снимки делал.

– Шайтан! Ай, шайтан!

В голосе Мереди-аги звучала радость, что всё обошлось.

Через сорок минут он сам спустился и почти час осматривал дно колодца, а когда его подняли, качал головой, как китайский болванчик:

– Вот шайтан! Родился в белой рубашке! Я тоже – только в халате!

Через 13 часов 20 минут после вспышки

Сергей спал на крыше домика. Мереди-ага, опасаясь за жизнь гостей, настоял на том, чтобы для него и инструктора была там расстелена кошма. Крыша предохраняла, конечно, условно, от ползучих гадюк, а валяная шерсть – от скорпионов. Если бы знал бригадир, что вышедшему из колодца москвичу не страшно ни одно существо на свете, то не волновался бы так за его жизнь.

Какагельды Байрамов чмокал губами и слегка постанывал. Вероятно, ему снился минет, который совершала хорошенькая секретарь комсомольской организации швейной фабрики Валечка Сырова. Лишь несколько дней Какагельды был на фабрике, но безумно влюбился в эту русскую чертовку. Ему казалось, что она не прочь развлечься с самим инструктором ЦК. И вот это исполнилось, но только пока во сне.

Если бы он знал, что сейчас произойдёт, и какую красавицу он увидит! Рюкзак, лежащий со стороны Лемешева, не был завязан. Из него выкатился шар, который ярко засветился, увеличился в размере и из него вышла Звия. Она была обнажена, но вытянула из шара нечто, похожее на чемодан. Уложив модуль в рюкзак, она выбрала из чемодана костюм спортивного покроя, быстро в него облачилась, и, спрыгнув с крыши, стремительно побежала с чемоданом в сторону шоссе.

Какагельды сел на кошму с выпученными от удивления глазами. Но красавица обернулась и послала ему странный привет взмахом руки, отчего инструктор смежил глаза и тотчас же уснул.

Звия на Земле

Через час Звия вышла на трассу Мары – Ашхабад и остановила «Волгу», идущую в столицу Туркмении. Председатель колхоза «Красный Октябрь» Сапар Агаджанов с удовольствием остановился, не спрашивая ни себя, ни её, как женщина, подобная пери, могла оказаться здесь, на трассе, в час ночи.

Он усадил её рядом, и только тогда задал явно запоздалый вопрос:

– Что с вами произошло, девушка?

– Так уж случилось, – ответила она, повернув к нему лицо. Её огромные изумрудные глаза могли свести с ума любого человека.

– Но как можно такую красавицу бросить в песках?

– Я не брошенная, я Зоя, – ответила женщина из будущего, – я командированная. Успокойтесь. – Она слегка дотронулась до руки председателя колхоза, – всё будет хорошо, и со мной, и с вами. Расскажите, чем вы здесь живёте?

Сапар Агаджанов, и по природе очень спокойный человек, совершенно выбросил мысли о причинах появления одинокой девушки на трассе. Он подумал, что именно так надо, так иногда поступают русские. Может, это какая-то комиссия из Москвы.

Немногословный, он неожиданно для себя стал рассказывать о своей нелёгкой доле председателя крупного животноводческого хозяйства, когда надо крутиться и между районным, и областным начальством. Постепенно он рассказал о себе, своей семье, о жизни туркменского села. Он всё время шмыгал носом, и это особенно обострилась, когда они проехали небольшую рощицу пустынных акаций. Он в оправдание сказал:

– Вот так всегда. Как жаркое лето – у меня насморк. Не пойму, отчего.

– Это аллергия. Вот это вас вылечит, – сказала Звия.

Она дала понюхать Сапару небольшую блестящую коробочку. И через мгновение спросила:

– Как теперь?

– Что как?

– Насморк прошёл?

– Насморк? Ах, да, куда всё делось? Никакого насморка! Как это вам удалось, уважаемая? Вы доктор?

– Да, – улыбнулась Звия, с нежностью подумав о Лемешева, – в последнее время мне приходится возвращать к жизни и лечить.

Председатель колхоза ничего не ответил. Ему стало очень хорошо, и его посетили мысли, как построить из ничего ферму в пустыне.

Через три с половиной часа они въезжали в Ашхабад. Утро обещало жаркий день – ни на горизонте, ни на всем небосклоне не было ни тучки. Сапар и Звия расстались у гостиницы самыми лучшими друзьями. Неожиданная попутчица дала Сапару все тот же небольшой приборчик и пообещала, что ни у кого в колхозе «Красный Октябрь» не будет насморка в середине лета. Надо только приложить прибор к носу.

Через 19 часов 20 минут после вспышки

Проснулся Лемешев рано. Он чувствовал себя великолепно. Встал у края крыши. Высота – метра два. Внизу мягкий и ещё прохладный песок. Хотелось взлететь птицей, высоко, высоко! Не раздумывая, он взмахнул руками и прыгнул, готовясь подпружинить ноги при приземлении. Но случилось нечто странное. Он летел к земле по очень странной траектории, которая напоминала растянутую горизонтальную линию латинской буквы «L». Вместо того, чтобы тотчас же упасть у стены кибитки, он оказался в пятнадцати метрах от неё, дотянув до взрослого саксаула с раскоряченными ветвями.

– Вот это прыжок!

Сергей увидел идущего на него человека, поднявшего в приветствии руку. Им оказался буровик Аликпер Гусейнов, который вчера был в гостях у строителей колодца, и предлагал замысловатые восточные тосты.

– Приветствую гостя из Москвы!

Аликпер протянул для пожатия руку.

– Я ещё не умывался, – Лемешев как-то неопределённо махнул рукой, словно хотел сбросить с неё что-то неприятное.

– Да ладно, – смеясь, проследил за рукой мастер, – мы сами здесь ничего не моем, бережём воду в пустыне! Как спалось?

– Нормально. А у вас, что, с утра вахта?

– Вахта, вахта! Пойдём, дорогой ко мне! У меня есть хороший коньячок. Вчера вы погуляли, а я дежурил. Хочется слегка расслабиться. Ты вчера в колодце фотографировал. А у меня есть фотолаборатория. Увлекаюсь, понимаешь... Хочешь, плёнку проявим? Идёт!

– А как её промыть? Воду в пустыне берегут!

– На это у меня целая цистерна в песке зарыта с технической водой! Что нам литр-два? Через три дня привезут ещё.

«Ну что ж, проявить плёнку – неплохая идея, подумал Сергей. Ему самому не терпелось посмотреть, что получилось?

– Уговорил, Алик. Сейчас на крышу поднимусь, возьму рюкзак, там фотоаппарат.

Сергей по лестнице поднялся за рюкзаком, хотя чувствовал, что мог легко допрыгнуть до крыши с одного раза.

...Вагончик мастера был разделён на три части: нечто, похожее на прихожую, затем небольшая конторка с канцелярским столом из ДВП и двумя скамьями в виде досок. За слегка приоткрытым занавесом в глубине вагона виднелись кровать и тумбочка хозяина. Заметив взгляд гостя, Аликпер показал рукой на свой закуток:

– Там у меня ящик с рукавами, для работы с плёнкой. Давай фотоаппарат, вставим плёнку, зальём проявитель.

Сергей раскрывал рюкзак и тотчас же наткнулся на шар. Его заметил и буровик.

– Э, что за камень? Или это мяч?

– Это модуль, – начал было Сергей, но осёкся. – Вчера в колодце нашёл.

– Дай взгляну, я ведь геологический факультет заканчивал.

Сергей нехотя протянул шар мастеру.

– Он почти ничего не весит! Это не камень, это высохшее яйцо, только форма у него идеальная для этого.

«Прибор! Это и есть тот «велосипед» из телеграммы! Как мне сразу повезло!» – подумал Аликпер. «Но как там быстро узнали? Вот у них разведка! А, может, шар радиоактивный, и его сами американцы оставили? Не зря двести тысяч баксов платят за его возвращение! Надо бы запросить вдвое больше! Хоть поживу как король! Но поживу ли после радиации?»

– Держи, – резко отдал Аликпер шар Сергею и получил взамен фотоаппарат «Зенит».

Мастер ушёл в свой закуток. Там он достал из холодильника початую бутылку коньяка, вытащил из аптечки таблетку теразина и бросил её в коньяк. Не смертельную дозу, а так, вырубить часа на два-три. Затем Аликпер в специальном мешке вставил плёнку в бачок. Налил проявитель, стоявший тоже в холодильнике, и посмотрел на часы. Через три минуты можно промывать и фиксировать плёнку.

Они выпили по полстакана, Сергей закусил долькой разломанной холодной плитки шоколада. Мастер не успел выпить, посмотрев на часы:

– Нельзя, чтобы перепроявилось. Чёрное всё будет!

Сергей нередко пил коньяк. В этом стакане ему показалось некое искажение вкуса. Знание того, что ему подмешали снотворное, пришло тотчас же, как и то, что ему не грозит опасность потерять над собой контроль. Он закрыл глаза, и перед ним предстала тихая суета бригадира за ширмой, когда он разливал коньяк по стаканам. Таблетки с теразином. Сосредоточенное лицо, с еле уловимой ухмылкой.

Ну, уж усыпи! Посмотрим, что у тебя выйдет, мастер!

Бегство Аликпера

Принципы жизни у Сергея были просты и незатейливы. Он считал, что встречи с людьми обогащают его. Хороши ли эти люди или плохи – это уже другой разговор. Мотивы поступков, поведение, мысли, высказываемые откровенно или служащие щитом скрытности характера – вот что было интересно журналисту. Лемешев был наделён и интуицией и прозорливостью. Всё в меру и в соответствии с личным жизненным багажом. О том, что буровой мастер неспроста пришёл утром, Сергей понял сразу, ещё у саксаула. Но последовавшее за этим знание о замыслах Аликпера поразило его своей неожиданной новой для него способностью. Действительно, мозг работал чётко и ясно. А шар, на котором лежала рука Лемешева, как бы успокаивал: «Пока я с тобой, тебе нечего опасаться!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.